

СЛОВНО "РАССКАЗ СЛУЖАНКИ" ВСТРЕТИЛСЯ
С "ПОВЕЛИТЕЛЕМ МУХ".

— AMAZON.COM

18+

ГОД

БЛАГО-

ДАГИ

КИМ ЛИГГЕТТ

Ким Лиггетт
Год благодати

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лигgett К.

Год благодати / К. Лигgett — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-110058-2

В округе Гарнер свои порядки. Здесь верят, что юным девам под силу выманить мужчин из постелей, а их жен и вовсе сводить с ума. Вот почему девушек изгоняют из дома на целый год – за это время они должны избавиться от темного «дара» и вернуться назад очищенными, готовыми к браку. Шестнадцатилетняя Тирни Джеймс мечтает о лучшей жизни, и чем ближе приближается ее собственный год благодати, тем сильнее страх путает мысли. Что если она не вернется назад, что если то, о чем тайком перешептывались другие женщины, может произойти и с ней? Что если этот год на самом деле несет лишь смерть? Смогут ли девушки пережить этот год, узнайте прямо сейчас, купив книгу. А для всех читателей книги "Год благодати" Litres дарит скидку на покупку самых популярных новинок Like Book в интернет-магазине book24.ru. Промокод ждет вас внутри книги. Пополните свою библиотеку книгами, перед обложками которых невозможно устоять. Срок действия промокода до 31.07.2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110058-2

© Лигgett К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Год благодати	8
Глава 1	8
Осень	9
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	50
Глава 12	52
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ким Лиггетт

Год благодати

Дочерям нашего мира и тем, кто их читит

Крысе в лабиринте позволительно идти куда вздумается, при условии, что она в лабиринте¹.

Маргарет Этвуд

«Рассказ служанки»

Может, зверь этот и есть...

Может, это мы сами...²

Уильям Голдинг

«Повелитель мух»

Kim Liggett

THE GRACE YEAR

© 2019 by Kim Liggett

¹ Перевод А. Б. Грызуновой.

² Перевод Е. А. Суриц.

**THE
GRACE
YEAR
KIM
LIGGETT**

В оформлении переплета использована иллюстрация
©HSIAO-RON CHENG

Перевод с английского *Елены Татищевой*

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Год благодати

Глава 1

Никто не говорит о годе благодати. Это запрещено.

Все внушают, что нам под силу выманивать взрослых мужчин из супружеских постелей, лишая юношей рассудка и заставляя жен сходить с ума от ревности. Люди считают, что от нашей кожи исходит сильнейший афродизиак, пьянящий аромат юности, аромат девушки, готовый превратиться в женщину. Поэтому-то, когда нам исполняется шестнадцать лет, нас изгоняют на целый год, чтобы мы избавились от нашего волшебства, выпустив его на волю, прежде чем нам будет дозволено вернуться в цивилизованный мир.

Но я не чувствую себя сильной. Не чувствую в себе никакого волшебства.

Разговаривать о годе благодати запрещено, но меня это не останавливает – я все равно ищу подсказки.

Обмолвка женщины из любовной парочки на лугу, рассказанная на ночь страшная сказка, несколько не похожая на сказку, многозначительные взгляды, укрытые в шутках, которыми женщины перебрасываются на рынке. Но никто из них ничего не говорит.

Правда о годе благодати, о том, что будет происходить в этот год, прячется в крошечных невидимых нитях, парящих вокруг них, когда они думают, что за ними никто не следит. Но я слежу, слежу всегда.

Соскользнувшая шаль, покрытые рубцами плечи, обнаженные под полной сентябрьской луной.

Колдовские пальцы, скользящие по пруду, рябь на его воде, которая мало-помалу становится черной.

Их глаза, глядящие из далекого далека. Глядящие в изумлении. И в ужасе.

Раньше я думала, что это и есть мое волшебство – дар видеть то, чего не видят другие, то, в чем они не хотят признаться даже самим себе. Но на самом деле, чтобы увидеть, достаточно просто открыть глаза.

Мои же глаза всегда широко открыты.

Осень

Глава 2

Я иду за нею по лесу по утоптанной тропе, которую видела уже много-много раз. Папоротники, венерины башмачки, чертополох и растущие на тропинке загадочные красные цветы. Пять лепестков такой идеальной формы, словно они были созданы только для нас. Один лепесток для девушек, которым предстоит год благодати, один для жен, один для работниц, один для тех, кто живет в предместье, и один для нее.

Девушка оглядывается через плечо и улыбается мне все той же широкой уверенной улыбкой. Кого-то она напоминает мне, но я не могу вспомнить ни ее имени, ни лица. Быть может, это какое-то давным-давно стершееся воспоминание, быть может, кто-то из моей прошлой жизни, а возможно, моя младшая сестра, узнать которую мне еще не довелось. Лицо сердечком, маленькая красноватая родинка под правым глазом. Тонкие, нежные черты, совсем как у меня, однако облик девочки отнюдь не говорит об изнеженности. В ее серо-стальных глазах пылает неукротимый нрав, темные волосы острижены очень коротко, но я не знаю, что тому причиной: наказание или бунт. Я не ведаю, кто она, но, как ни странно, осознаю – я люблю ее. Эта любовь не похожа на ту, которой мой отец любит мою мать, она заботлива и чиста, как то чувство, которое я испытывала к птенчикам малиновки, которых выхаживала минувшей зимой.

Мы выходим на поляну, где собрались женщины всех сословий – и у каждой из них над сердцем приколот красный цветок. Они не грызутся, не смотрят друг на друга волком – все они пришли сюда с миром. И в полном согласии. Мы – это сестры, дочери, матери, бабушки, сплотившиеся ради того, что нужно нам всем, ради того, что важнее нас самих.

– Мы слабый пол, но отныне мы не слабы, – говорит девушка.

И в ответ женщины издают звериный рев.

Я не боюсь. И чувствую лишь одно – гордость. Эта девушка – избранная, та, которая изменит все, и каким-то образом к этому причастна и я.

– Этот путь был вымощен кровью, кровью наших сестер, но она была пролита не напрасно. Нынче вечером году благодати наступит конец.

Когда я выдыхаю воздух, скопившийся в легких, я уже не в лесу, не рядом с той смелой девушкой, а здесь, в этой душной комнате, лежу в кровати под пристальными взглядами моих сестер.

– Что она сказала? – спрашивает старшая сестра Айви, и я вижу, как пылает ее лицо.

– Ничего, – отвечает Джун, сжав запястье Айви. – Мы ничего не слышали.

В комнату входит наша мать, и мои младшие сестры Клара и Пенни тычками заставляют меня встать. Я смотрю на Джун, желая поблагодарить за то, что она отвела от меня беду, но та не хочет глядеть мне в глаза. Не хочет или не может. Не знаю, что из этого хуже.

Нам не разрешено видеть сны. Мужчины считают, что таким образом мы можем скрыть свое волшебство. За сны могут наказать, а если бы кто-то узнал, о чем были мои, это привело бы меня на виселицу.

Мы идем в комнату для шитья, суетясь, точно стайка суматошных воробьев. Сестры дергают меня, толкают.

– Полегче, – задыхаясь, говорю я, когда ликующие Клара и Пенни слишком уж резко тянут на себя шнурки моего корсета. Они воображают, что все это просто веселая игра, не понимая: через несколько коротких лет придет и их черед. Я шлепаю их по рукам. – Может, вы помучаете кого-то другого?

– Не капризничай, – говорит наша мать и, вымещая досаду на моих волосах, заканчивает заплетать косу. – Все эти годы твой отец позволял тебе делать что угодно, и, что бы ты ни творила, это сходило тебе с рук: и пятна на платьях, и грязь под ногтями. Но нынче ты в кои-то веки поймешь, что значит быть благовоспитанной девицей.

– Да кому это нужно? – Айви смотрит в зеркало, кичась своим растущим животом, который она нарочно выпячивает, чтобы видели все. – Ни один парень в здравом уме не захочет даровать Тирни помолвочное покрывало.

– Что ж, пусть так, – говорит матушка и, схватив шнурки корсета, затягивает их еще туже. – Но раз она моя дочь, то должна хотя бы сегодня выглядеть прилично.

Я была своевольным ребенком, чересчур любопытным себе во вред, девочкой, витающей в облаках, лишенной благодравия... а также много чего еще. И я стану первой девушкой в нашей семье, которая вступит в год благодати, не обретя жениха.

Моей матери даже не надо этого говорить. Всякий раз, когда она глядит на меня, я чувствую ее раздражение. Ее тихую злость.

– Вот оно. – В комнату возвращается Джун, моя самая старшая сестра, неся темно-синее шелковое платье с шалевым воротником, отделанным речным жемчугом. Это то самое платье, которое было на ней четыре года назад, в день, когда ей на голову накинули покрывало. Оно пахнет сиренью и страхом. Белая сирень стала тем цветком, который выбрал для нее парень, пожелавший жениться на ней, выбрал, как символ невинности и юной любви. С ее стороны очень мило одолжить платье мне, но в этом вся Джун. Даже год благодати не смог победить ее доброту.

Все остальные мои сверстницы сегодня будут в новых платьях, украшенных оборками и вышивкой по последней моде, но наши родители сразу же поняли, что тратить средства на меня просто не имеет смысла. У меня нет перспектив. Я сама сделала для этого все, что только можно.

В этом году в округе Гарнер есть двенадцать женихов – юношей, рожденных в семьях, имеющих положение в обществе. А шестнадцатилетних девушек – тридцать три.

Сегодня мы должны будем прошествовать по городу, чтобы юноши смогли как следует разглядеть нас в последний раз, прежде чем присоединиться к мужчинам в главном городском амбаре, дабы торговать нашими судьбами, как торгуют скотом – мы и впрямь недалеко ушли от скота, ведь при рождении нам на правую стопу ставят клеймо – печать отца. Когда все юноши объявят, кого они желают взять в жены, отцы избранниц доставят покрывала своим дочерям, которые в числе всех остальных шестнадцатилетних девушек будут ожидать решения своей участи в церкви, – и молча накинут им на головы эти безобразные газовые тряпки. А завтра, когда нас всех построят на площади, прежде чем усласть из округа на целый год – год благодати, – каждый парень поднимет покрывало девушки, которую он выбрал, дав таким образом обещание взять ее в жены, после чего все мы, остальные девицы, станем никому не нужны.

– Я знала, что у тебя неплохая фигура, хотя ты делала все, чтобы это скрыть. – Матушка поджимает губы, отчего тонкие морщинки вокруг ее рта превращаются в глубокие борозды. Она перестала бы складывать губы гузкой, если бы узнала, как это старит. В округе Гарнер для женщины есть только одна вещь, которая хуже старости, – это бесплодие. – Хоть убей, я никогда не пойму, зачем ты профукала свою красоту, профукала свой шанс стать хозяйкой собственного дома, – говорит она, через голову надевая на меня платье.

Одна моя рука застрекает, и я пытаюсь протиснуть ее в пройму.

– Перестань, не то оно...

Слышится звук рвущейся ткани, и я вижу, как лицо матушки густо краснеет.

– Иголку и нитку! – рявкает она на моих сестер, и те тотчас бросаются выполнять приказ.

Я пытаюсь сдерживать смех, но, как ни тщусь, он все равно вырывается наружу. Я смеюсь во все горло – мне не под силу даже правильно надеть платье.

– Давай, смейся, сколько влезет. Вот увидишь, тебе будет не до смеха, когда никто не подарит тебе покрывало и, вернувшись после года благодати, ты отправишься напрямиком в рабочий дом, чтобы надрывать себе спину.

– Лучше уж это, чем быть чьей-то женой, – бормочу я.

– Никогда не говори этих слов! – Она сжимает мое лицо ладонями, и сестры кидаются врассыпную. – Ты что, хочешь, чтобы тебя сочли узурпаторшей? Чтобы тебя изгнали? Что ж, беззаконники будут рады тебя заполучить. – Она понижает голос. – Ты не можешь навлечь позор на нашу семью!

– Что за шум? – Отец, в кои-то веки зашедший в комнату для шитья, вынимает изо рта трубку и кладет ее в нагрудный карман. Матушка быстро берет себя в руки и зашивает прореху в шелке.

– В усердии и трудолюбии нет ничего позорного, – говорит отец, целуя матушку в щеку. От него пахнет йодом и табаком. – По возвращении она сможет работать на мельнице или в сыроварне. Это почтенные занятия. Ты же знаешь, наша Тирни всегда любила свободу, – заговорщически подмигнув, добавляет он.

Я отвожу взгляд, делая вид, будто увлечена созерцанием слабого света, проникающего сквозь шторы. Раньше мы с отцом были неразлейвода. Люди болтали, что, когда он говорит обо мне, у него блестят глаза. Полагаю, дело в том, что из пяти его дочерей именно я была больше всего похожа на сына, которого он так жаждал иметь. Втайне от всех он научил меня, как охотиться, ловить рыбу, обороняться с помощью ножа и вообще как постоять за себя, но теперь все стало иначе. Я больше не могу смотреть на него так, как прежде, не могу после того страшного вечера, когда увидела его в аптеке, где он творил такое паскудство. Что ж, теперь я знаю, что он такой же, как и все остальные.

– Вы только поглядите, какая красotka... – говорит отец, пытаясь привлечь мое внимание. – Что ж, быть может, ты сегодня все же обретишь жениха.

Я стискиваю зубы, но внутри у меня все кричит. Я вовсе не считаю, что замужество – это честь. Оно дает жилище, но отнимает свободу. Конечно, надеваемые на тебя кандалы обиты ватой, но от этого они не перестают быть кандалами. А у рабочего дома есть хотя бы то преимущество, что там моя жизнь будет по-прежнему принадлежать мне самой. Мое тело будет принадлежать мне самой. Но мысли об этом могут навлечь на меня беду, даже если я не буду высказывать их вслух. Когда я была маленькой, каждая моя мысль ясно отображалась у меня на лице. Позже я научилась скрывать свои думы за милой улыбкой, но иногда, глядя на себя в зеркало, я вижу, какой ужас горит в моих глазах. И чем ближе я подходила к началу года благодати, тем жарче полыхал этот огонь. Порой мне кажется, что глаза мои так в нем и сгорят.

Когда мать берет красную шелковую ленту, чтобы вплести ее в мою косу, я ощущаю страх. Вот он, момент, когда и меня отметят цветом остережения... цветом греха.

Все женщины в округе Гарнер обязаны укладывать свои волосы на один и тот же манер – убирать их от лица и заплетать в косу, болтающуюся на спине. Мужчины считают, что так женщины не смогут скрыть от них ничего – ни ехидное выражение лица, ни блудливый взгляд, ни проявление волшебства. Белая лента в косе – это принадлежность девочек, красная – девушек, вступающих в год благодати, а черная – для жен.

Невинность. Кровь. Смерть.

– Готово, – говорит матушка, расправляя бант.

Хотя я и не вижу красный шелк, но чувствую, как он давит на меня, чувствую тяжесть того, что он в себе заключает – он, словно якорь, тянет на дно.

– Теперь я могу идти? – спрашиваю я, отстраняясь от суетливых рук матушки.

– Без сопровождения, без охраны?

– Мне не нужна охрана, – говорю я, засовывая ноги в туфли из тонкой черной кожи. – Я могу за себя постоять.

– А как насчет лесных трапперов, охотников за пушным зверем – думаешь, ты сможешь отбиться и от них?

– Речь идет об одной-единственной девушке, к тому же все это произошло давным-давно, – вздыхаю я.

– Я помню это так ясно, будто все произошло вчера. Бедняжку звали Анна Берглунд, – говорит матушка, и глаза ее стекленеют. – Это был День невест, день, когда мы, шестнадцатилетние девушки, могли обрести жениха. Она шла по городу, и этот траппер просто подхватил ее, перекинул через спину своего коня и умыкнул в далекую дикую глухомань, где она исчезла навсегда.

Может, это и странно, но лучше всего я помню другую часть этой истории – хотя многие видели, как та девушка кричала и плакала, когда траппер мчался с ней в лес через весь город, мужчины все равно заявили, что она отбивалась недостаточно рьяно, и наказали за это ее младшую сестру, выгнав ту в предместье и обрекши на участь проститутки. Но об этом никто никогда не говорит.

– Отпусти дочь. Ведь нынешний день для нее последний шанс погулять, – просит отец, делая вид, что окончательное решение будет принимать моя мать. – Она привыкла везде ходить в одиночку. К тому же мне хочется провести время с моей красавицей женой. Только ты и я.

По большому счету, мои отец и мать, похоже, все еще любят друг друга. Правда, в последнее время отец все больше и больше времени проводит в предместье, но ведь благодаря этому мне представилась какая – никакая свобода, за что я в общем-то должна быть благодарна.

Матушка улыбается, глядя на него.

– Ну, что ж, пожалуй, ее можно и отпустить... при условии, что Тирни не собирается тайком улизнуть в лес, чтобы встретиться там с Майклом Уэлком.

Я пытаюсь не подать виду, но во рту у меня внезапно пересыхает. А я-то и не подозревала, что она все знает.

Она одергивает корсаж моего платья, стараясь сделать так, чтобы оно сидело как надо.

– Завтра, когда Майкл подымет покрывало Кирстен Дженкинс, ты наконец поймешь, как глупо себя вела.

– Это совсем не... не поэтому... мы с ним просто друзья, – бормочу я.

Один уголок ее губ приподымается в подобии улыбки.

– Ну, раз уж ты все равно собираешься пройти, то купи ягод на сегодняшний вечер.

Ей отлично известно, что я терпеть не могу ходить на рынок, особенно когда наступает День невест, день, когда девушки, которым предстоит год благодати, могут обрести жениха и весь округ Гарнер высыпает на улицы, но думаю, именно в этом-то и вся суть. Матушка хочет использовать представившуюся ей возможность на всю катушку.

Когда она снимает наперсток, чтобы достать монетку из своего замшевого кошелька, я снова замечаю, что у нее не хватает кончика большого пальца. Она никогда об этом не говорит, но я знаю – эта отметина осталась от года благодати. Она перехватывает мой взгляд и тут же снова надевает наперсток.

– Прости меня, – говорю я, глядя на половицы у моих ног. – Я куплю ягод. – Я готова согласиться на все, что угодно, лишь бы поскорее вырваться из комнаты для шитья.

Словно почувствовав, как отчаянно мне хочется убраться отсюда, отец чуть заметно кивает в сторону двери, и я опрометью бросаюсь к ней.

– Смотри, не забреди в лес, – кричит мне вслед мать.

Я торопливо лавирую среди стопок книг, мчусь мимо лекарской сумы моего отца, мимо корзины с вязаньем, сбегая вниз мимо сохнувших на перилах лестницы чулок, преодолевая три лестничных марша, проношусь мимо издающих неодобрительные возгласы служанок и, наконец, выбегаю вон. Резкий осенний ветер неприятно холодит шею, ключицы, грудь. Полно,

говорю я себе, это всего лишь небольшой участок кожи. Они видели все это и раньше. Но я чувую опасность... чувствую себя непривычно оголенной... беззащитной.

Мимо проходит моя ровесница, Гертруда Фентон, рядом идут ее отец и мать. Я невольно смотрю на ее руки; на них надеты изящные белые кружевные перчатки. И, глядя на эти перчатки, я почти забываю то, что с нею произошло. *Почти*. Похоже, несмотря на постигшее ее несчастье, Герти все еще надеется обрести жениха, надеется иметь собственный дом и нарожать сыновей.

Жаль, что мне не хочется таких вещей. Жаль, что все не так просто.

– Поздравляю с Днем невест. – Миссис Фентон смотрит на меня, чуть теснее прижимаясь к руке своего мужа.

– Кто это? – спрашивает мистер Фентон.

– Дочка Джеймсов, – цедит она сквозь зубы. – Средняя.

Его взгляд шарит по моей оголенной коже.

– Вижу, ее волшебство наконец-то проявилось и стало видно.

– Должно быть, прежде она его скрывала. – Она глядит на меня пристально, с прищуром, ни дать ни взять стервятник, рвущий клювом плоть.

Мне ужасно хочется прикрыться, но я ни за что не пойду обратно в дом.

Нельзя забывать, что и нарядные платья, и газовые покрывала невест, и весь сегодняшний церемониал – все это лишь отвлекающие моменты, призванные заставить нас на время выбросить из головы надвигающийся ужас. Предстоящий нам год. Год благодати.

Я начинаю думать о том неведомом, что нас ждет, и чувствую, что у меня дрожит подбородок, но я приклеиваю к лицу бессмысленную улыбку, словно рада-радешенька играть отведенную мне роль, дабы через год вернуться домой, выйти замуж, нарожать детей и умереть.

Но не всем нам суждено вернуться домой... вернуться живыми.

Глава 3

Стараясь успокоить нервы и овладеть собой, я иду по площади, на которой завтра построят всех нас, шестнадцатилетних девиц. Не требуется ни волшебство, ни даже зоркие глаза, чтобы увидеть – за год благодати с девушками происходят глубокие перемены. Каждый год мы видели, как они уходят в становье. И хотя лица некоторых из них окутывали газовые покрывала, чтобы понять, каково им, мне достаточно было посмотреть на их руки, на нервно дрожащие пальцы – и все же они были полны надежд... и живы. Те же, которым удавалось вернуться назад, выглядели изможденными... и сломленными, павшими духом.

Малые несмышленные дети превращали все это в игру, споря между собой на то, кто из девушек вернется, а кто нет, но чем ближе придвигался мой собственный год благодати, тем меньше меня забавляли подобные игры.

– С Днем невест! – Мистер Фэллоу учтиво касается полей своей шляпы, но его глазки слишком уж задерживаются на открытых участках моего тела и на красной ленте в косе. За спиной его прозвали Хрыч Фэллоу, поскольку никто не знает, сколько ему лет, но он явно не так стар, чтобы не пожирать меня взглядом.

Нас называют слабым полом – в церкви нам каждое воскресенье вбивают в головы, что во всех бедах виновата Ева, которая не извергла из себя свое волшебство, когда у нее была такая возможность – но я все равно не могу понять, почему никто ни о чем не спрашивает у девушек, не спрашивает нас самих. Да, порой ведутся какие-то тайные переговоры, звучащие во тьме, но почему именно юноши должны решать нашу судьбу? Ведь насколько я понимаю, у всех нас есть сердца. У всех нас есть разум. Я вижу между нами лишь несколько различий, хотя, похоже, большинство мужчин думают совсем не головой.

По мне, так странно, что они воображают, будто, заявив на нас права, подняв с наших лиц газовые покрывала, они тем самым дадут нам то, ради чего стоит жить. Знай я, что по возвращении домой мне придется делить ложе с кем-то вроде Томми Пирсона, я бы, наверное, сама бросилась на клинок беззаконника.

На сук высыхающего в центре площади дерева наказаний садится черный дрозд. От звука когтей, царапающих тусклый металл сука, в венах стынет кровь. Говорят, что прежде на его месте стояло настоящее дерево, но, когда здесь за ересь заживо сожгли Еву, вместе с нею сгорело и оно, после чего мужчины воздвигли новое дерево, сделанное из стали. Как неувыдающий символ наших грехов.

Мимо проходит несколько перешептывающихся мужчин.

Уже не один месяц в городе разносятся слухи... слухи о том, что среди нас появилась узурпаторша. Толкуют, что стражники нашли в лесу место тайных собраний. Нашли мужскую одежду, развешанную на ветвях, словно чучела врагов. Поначалу думали, что это какой-то траппер пытается мутить воду или отвергнутая женщина из предместья, желающая отомстить, но потом подозрения распространились на весь округ. Трудно себе представить, что это может быть одна из нас, но в округе Гарнер полно тайн. Иные из них вполне очевидны, прозрачны, как только что разрезанное стекло, однако их предпочитают не замечать. Мне никогда этого не понять – лично я всегда выбираю правду, какой бы горькой она ни была.

– Ради всего святого, Тирни, держи спину прямо, – прикрикивает на меня проходящая мимо тетя Линии. – И без сопровождения, без охраны. Бедный мой брат, – шепчет она своим дочерям, шепчет достаточно громко, чтобы я слышала. – Какова мать, такова и дочь. – Она держит у своего курносого носа веточку остролиста – на старом языке остролист называют оберегом от зла. Рукав тети Линии задирается, и я вижу на ее руке начинающийся на запястье сморщенный розовый шрам. По словам моей сестры Айви, она видела этот шрам, когда сопровождала отца, лечившего свою сестру от кашля – он идет от ее запястья до самого плеча.

Тетя Линии видит, куда устремлен мой взгляд, и одергивает рукав.

– Она куролесит в лесу – там ей и место.

Откуда ей известно, чем я занимаюсь? Выходит, она за мной шпионит? Со дня самых первых моих месячных мне то и дело давали непрошенные советы. Большая их часть была, по меньшей мере, глупа, но то, что тетя Линии изрекла сейчас – это гадко.

Она бросает на меня злобный взгляд и, уронив веточку остролиста, идет своей дорогой.

– Как я уже говорила, нужно столько всего учитывать, даруя девушке покрывало. Мила ли она? Покладиста ли?

Родит ли она сыновей? Достаточно ли она вынослива, чтобы пережить год благодати? Право же, я не завидую мужчинам. Для них это поистине тяжкий день.

Если бы тетя Линии только знала... Я давлю остролист каблуком.

Женщины воображают, будто собрания мужчин в амбаре перед церемонией – это нечто особое, полное благоговения, но в действительности благоговением там и не пахнет. Мне это известно, поскольку последние шесть лет я наблюдала за каждым из таких собраний, прячась за мешками зерна на чердаке. Мужчины в это время только и делают, что пьют эль, обмениваются пошлостями и иногда устраивают драки по поводу кого-то из девиц, но странное дело, они никогда не судачат о нашем «опасном волшебстве».

Собственно говоря, речь о волшебстве заходит лишь тогда, когда они находят это удобным. Как когда умер муж миссис Пинтер. Мистер Коффи тогда обвинил свою жену, с которой прожил двадцать пять лет, в том, что она накопила в себе волшебство и левитирует во сне. Миссис Коффи была кротка, как агнец, прямо тише воды ниже травы – уж точно не из тех, кто способен к левитации – однако ее все равно изгнали. Без каких-либо вопросов. И кто бы мог подумать – мистер Коффи сочетался браком с миссис Пинтер уже на следующий день.

Но если бы подобное обвинение сделала я или если бы оказалось, что год благодати не сломил мой дух, меня бы отправили в предместье, чтобы я жила среди проституток.

– Ну и ну, Тирни, – говорит Кирстен, подойдя ко мне; за ней, как нитка за иголкой, тянутся некоторые из ее приспешниц. Думаю, такого красивого платья я не видела еще никогда – оно сшито из кремового шелка, в который вотканы золотые нити, блестящие на солнце точно так же, как и ее волосы. Кирстен протягивает руку и проводит пальцами по жемчужинкам на моем воротнике, хотя мы с ней вовсе не на короткой ноге. – Тебе это платье идет больше, чем Джун, – продолжает она, глядя на меня из-под своих пышных ресниц. – Но ты не говори ей, что я так сказала. – Девушки, следующие за Кирстен, язвительно хихикают.

Вероятно, моя мать сгорела бы со стыда, если бы ей стало известно, что в моем платье узнали то, которое было на Джун, но девушки, проживающие в округе Гарнер, всегда ищут случая для завуалированных оскорблений.

Я пытаюсь обратить все в шутку, посмеяться, но корсет затянут так туго, что я не могу не только смеяться, но даже сделать глубокий вдох. Но это не важно. Кирстен замечает меня только потому, что хочет замуж за Майкла. А Майкл Уэлк – с детства мой самый близкий друг. Раньше мы все свободное время проводили, наблюдая за людьми, пытаюсь найти подсказки насчет того, каков он – год благодати, но Майклу в конце концов надоела эта игра. Вот только для меня это было вовсе не игрой.

Обычно девочки перестают водить дружбу с мальчиками вскоре после десяти лет, то есть тогда, когда завершается обучение девочек в школе, но мы с Майклом каким-то образом сумели сохранить нашу связь. Наверное, потому что он ничего не хотел от меня, а я ничего не хотела от него – все просто. Разумеется, мы больше не могли, как прежде, бегать по городу вместе, но мы нашли способ продолжить наши встречи. Вероятно, Кирстен полагает, что я имею на Майкла влияние, но я не вмешиваюсь в его личную жизнь. Чаще всего вечерами мы просто лежали в лесу на поляне, глядя на звезды и думая о своем. И нам обоим этого хватало.

Кирстен заставляет свою свиту умолкнуть.

– Надеюсь, нынче вечером ты, Тирни, обретишь жениха, – говорит она с приторной улыбкой.

Я знаю эту ее улыбку – точно такую же она подарила в воскресенье отцу Эдмондсу, когда заметила, что его руки, кладущие на ее розовый язычок святую облатку, дрожат. Волшебство Кирстен проявилось рано, и она об этом знала. За ее лицом с его тщательно сохраняемым неизменно любезным выражением, за ее подчеркивающей фигуру одеждой таится жестокость. Как-то раз я видела, как она утопила бабочку, не переставая при этом играть ее крыльшками. Однако, несмотря на свою злую натуру, она станет хорошей женой будущему главе совета. Она целиком посвятит себя Майклу, будет обожать их сыновей и родит жестоких, но очень красивых дочерей.

Я смотрю на девушек, скользящих мимо, точно рои ос, и невольно начинаю гадать, как они поведут себя за границами округа. Во что превратятся их заученные улыбки, их кокетство? Не начнут ли они куролесить, валяться в грязи и выть на луну? Интересно, как из тела уходит заключенное внутри волшебство – выходит ли оно разом, как удар молнии, или же вытекает мало-помалу, как сочащийся яд? Но невольно мне приходит в голову еще одна мысль – а что, если это не происходит вообще?

Вонзив в ладони в кои-то веки отполированные ногти, я шепчу:

– Та девушка... то собрание в лесу... это всего лишь сон. – Нельзя, нельзя впадать в искушение, нельзя впускать в голову такие мысли. Нельзя поддаваться ребяческим фантазиям, ибо даже если рассказы про волшебство – это ложь, то беззаконники – это очень даже реально. Ублюдки, родившиеся от женщин, что живут в предместье, негодяи, которых все честят. Все знают, что они только и ждут возможности схватить какую-нибудь девушку, из тех, что проводят в глуши свой год благодати, когда, по общему мнению, волшебство особенно сильно, чтобы потом продать на черном рынке сделанное из ее тела снадобье, которое, как известно, являет собой и эликсир молодости, и афродизиак.

Я смотрю на массивные ворота, отделяющие нас от предместья, и гадаю, не притаились ли там беззаконники... в ожидании нас.

Оголенные участки моего тела, словно отвечая на этот вопрос, обдувает холодный ветер, и я ускоряю шаг.

Жители округа толпятся возле оранжереи, строя догадки относительно того, какой цветок тот или иной из женихов выбрал для своей невесты. К счастью, среди имен, которые при этом повторяют, мое имя не звучит.

Наши предки приплыли сюда из разных стран, и их языки были столь многочисленны и несхожи, что единственным способом, которым они могли общаться между собой, был язык цветов. Только на этом языке они могли говорить друг другу: прости, удачи, я тебе доверяю, я тебя люблю и даже чтоб ты сдох. Почти для каждой мысли или чувства есть свой особый цветок. Казалось, теперь, когда мы все говорим на одном языке – английском, спрос на цветы должен был бы сократиться сам собой, однако старые обычаи не умирают, они держатся, и держатся крепко. Потому-то я и сомневаюсь в том, что что-либо изменится... и неважно, что.

– Какой цветок надеетесь получить вы, мисс? – спрашивает меня работница, отирая мозолистой рукой пот со лба.

– Нет... нет, это не для меня, – смущенно бормочу я. – Я просто смотрю. – Я вижу маленькую накрытую тряпицей корзинку, из-под которой выглядывают красные лепестки. – А это что за цветы? – спрашиваю я.

– Да просто сорняки, – отвечает она. – Раньше их было полно. Нельзя было и шагу ступить. Тут от них избавились, но сорняки удивительная вещь – можно вырвать их с корнем, развести огонь в тех местах, где те росли, они могут даже много лет не появляться, а потом, как пить дать, вдруг как вырастут, как зацветут.

Я наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть цветы, и тут работница говорит:

– Не печалься, если тебе, Тирни, не достанется покрывало.

– От-откуда тебе известно мое имя? – запинаясь, спрашиваю я.

Она дарит мне лучезарную улыбку.

– Когда-нибудь и ты получишь цветок, пусть и немного увядший. Любовь, знаешь ли, даруется не только тем, кто состоит в браке, она для всех, – говорит она, вкладывая в мою руку головку какого-то цветка.

Растерянная, я быстро разворачиваюсь и кратчайшим путем иду к рынку.

Разжав пальцы, я вижу на своей ладони чудный фиолетовый ирис.

– Надежда, – шепчу я. Нет, я не мечтаю, что юноша подарит цветок и мне – я надеюсь на лучшую жизнь. Честную, справедливую. Мне не свойственна сентиментальность, но сейчас кажется, что ирис – это знак. Знамение, от которого веет волшебством.

Я прячу цветок в корсаж, над самым сердцем, чтобы не потерять его, и подхожу к шеренге стражников, которые отводят от меня глаза.

Трапперы, только что явившиеся с территории леса, восторженно цокают языками, когда я прохожу мимо них. Вид у мужчин неопрятный, грубый, но мне почему-то кажется, что жизнь их честнее, чем у нас. Мне хочется заглянуть им в глаза, хочется выяснить – смогу ли я, глядя на их обветренные лица, ощутить дух приключений, дух бескрайних северных лесов, – но я не отваживаюсь это сделать.

Мне нужно только одно, говорю я себе, – купить ягод. И чем скорее я с этим покончу, тем скорее смогу встретиться с Майклом.

Когда я вхожу на крытый рынок, до моих ушей доносятся непривычные слова, и мне становится не по себе. Обычно я прохожу между базарных рядов, мимо связок чеснока, мимо порезанного ломтиками бекона также незаметно, как ветерок, но нынче жены смотрят на меня сердитыми глазами, а мужчины ухмыляются с таким видом, что хочется скрыться.

– Это дочка Джеймсов, – шепчет одна из женщин.

– Та самая девка-сорванец?

– Лично я подарил бы ей и покрывало, и кое-что другое. – И один из мужчин тыкает локтем в бок своего сына.

К щекам моим приливает кровь – я чувствую неловкость и стыд, хотя не понимаю, почему.

Я все та же девушка, которой была вчера, но теперь, только что вымытая, втиснутая в это нелепое платье и помеченная красной лентой, я вдруг утратила свою незаметность – и вот уже мужчины и женщины округа Гарнер глазееют на меня, как будто я экзотическое животное, выставленное на всеобщее обозрение.

Их взгляды и шушуканье ранят меня, словно клинок.

Но гаже всего взгляд Томми Пирсона, именно из-за него я невольно ускоряю шаг. Он словно следит за мной, и мне даже не нужно ничего видеть, чтобы кожей чувствовать: я в ловушке. До меня доносится хлопанье крыльев хищной птицы, сидящей на его руке. Он любит хищных птиц – это звучит впечатляюще, и такое увлечение могло бы внушать уважение, но на самом деле Томми не обладает каким-либо особым мастерством. Он не старается завоевать доверие или уважение этих птиц, а просто ломает их дух.

Я кладу в горшок монетку, которую зажимала в потной руке, и торопливо хватаю ближайшую ко мне корзинку ягод.

Лавируя в толпе, слыша шушуканье со всех сторон, я стараюсь не поднимать головы, глядя себе под ноги, и, почти уже выйдя из-под навеса, так резко натыкаюсь на отца Эдмондса, что тутовые ягоды из моей корзинки разлетаются вокруг. Он начинает сердито ругаться, но, разглядев меня, замолкает.

– Моя дорогая мисс Джеймс, вы спешите?

– Да ну! Неужто это и вправду она? – кричит за моей спиной Томми Пирсон. – Та самая Грозная Тирни?

– Я и теперь лягаюсь не хуже, – говорю я, не переставая собирать ягоды обратно в корзинку.

– На это я и рассчитываю, – отвечает он, сверля меня взглядом своих светлых глаз. – Мне нравятся норовистые бабы.

Подняв голову, я смотрю на отца Эдмондса и вижу, что он пялится на мою грудь.

– Если вам что-то понадобится, дочь моя... что бы это ни было... – Когда я берусь за ручку корзинки, отец Эдмондс гладит меня по тыльной стороне ладони. – У тебя такая мягкая кожа, – шепчет он.

Бросив собирать с земли рассыпавшиеся ягоды, я со всех ног бегу прочь. Сзади слышатся смех, тяжелое дыхание отца Эдмондса и хлопанье крыльев орла, тщетно пытающегося порвать свои путы и улететь.

Забежав за ствол дуба, я останавливаюсь, чтобы перевести дух, достаю цветок ириса, но вижу, что мой корсет смял его. Я зажимаю раздавленный цветок в кулаке.

И вдруг меня охватывает так хорошо знакомый мне жар. И вместо того, чтобы сдерживать порыв, я радуюсь ему. Ибо сейчас я не просто желаю, а жажду, чтобы меня наполнило опасное волшебство.

* * *

Мне хочется убежать к Майклу, прямо на наше с ним тайное место, но я понимаю – сначала нужно остыть. Сорвав травинку, я веду ей по штакетинам забора, медленно идя мимо плодового сада и стараясь отдышаться. Раньше я могла сказать Майклу все, но нынче мне приходится быть осторожной.

Летом после того, как застучала собственного отца в аптеке, я позволила себе язвительное замечание и о его отце, который руководит и аптекой, и советом, – тогда Майкл спустил на меня всех собак. Сказал, что мне надо следить за своим языком, что кто-то может решить, что я узурпаторша, что, если другие прознают о моих снах, меня могут сжечь живьем. Не думаю, что с его стороны это была угроза, но звучало все именно так.

Наверное, на этом и могла бы закончиться наша дружба, но на следующий день мы встретились снова, как ни в чем не бывало. По правде говоря, мы с Майклом, вероятно, уже переросли нашу детскую привязанность друг к другу, но думаю, нам обоим хотелось продолжать держаться за нашу юность, за нашу невинность, пока еще возможно. Но сегодня – это последний день, когда мы можем встретиться так же, как встречались всегда.

Когда я через год вернусь в город, а вернее, *если я вернусь*, он женится, а меня отрядят в один из рабочих домов. Мои дни будут целиком заняты работой, а его внимание займут Кирстен и совет. Быть может, он поначалу и будет иногда заходить ко мне якобы по делу, но рано или поздно эти визиты прекратятся, и мы оба станем молча кивать друг другу, встретившись в церкви на Рождество.

Опершись на шаткий забор, я смотрю на рабочие дома. Я собираюсь как-то прожить предстоящий год и, вернувшись, затаиться в полях. Большинство девушек, оставшихся без покрывал, желают поступить в услужение в дома почтенных горожан или хотя бы на работу на мельницу, либо в сыроварню, меня же тянет к земле, мне по-настоящему нравится в ней копаться. Моя самая старшая сестра, Джун, любила выращивать что-то сама и часто рассказывала нам на ночь истории о том, какая это интересная штука – садоводство. Теперь, когда она стала женой, ей больше не дозволяется работать в саду, но я и сейчас порой замечаю, как она, отцепляя от подола колючку, тайком дотрагивается до земли. Думаю, если это хорошо для Джун, то хорошо и для меня. Только на полевых работах мужчины и женщины трудятся рядом,

сообща, и я знаю, что смогу вкалывать лучше многих других. Пусть я и худенькая, но сила у меня есть. Я достаточно сильна и ловка, чтобы лазать по деревьям и давать Майклу фору.

Я шагаю в сторону уединенного леса за мельницей, когда слышу, что приближается стража. Интересно, что они здесь забыли? – думаю я. И от греха подальше ныряю в кусты.

Я пытаюсь пробраться сквозь заросли ежевики, когда вижу по другую их сторону Майкла. Он ухмыляется.

– Ты сейчас выглядишь как...

– Не начинай, – говорю я, пытаюсь вырваться из колючих кустов, но тут одна жемчужинка на моем воротнике цепляется за ветку и отскакивает в сторону, на поляну.

– Какая гордая осанка, – смеется Майкл, ероша пальцами свои пшеничные волосы. – Если не будешь внимательна, тебя нынче же могут сцапать и умыкнуть.

– Очень смешно, – говорю я, ползая вокруг. – И вообще, это бы ничего не изменило – ведь если я не отыщу жемчужину, матушка наверняка придушит меня во сне.

Майкл становится на четвереньки, чтобы помочь мне в моих поисках.

– Послушай, а что, если это будет кто-то достойный... кто-то мог бы подарить тебе дом, семью? Настоящую жизнь.

– Кто? Томми Пирсон? – Я жестами показываю, как накидываю себе на шею петлю, чтобы повеситься.

Майкл усмехается.

– Он не так плох, каким кажется на первый взгляд.

– Это он-то не так плох? Парень, мучающий ради потехи сильных, прекрасных птиц?

– Он умеет их дрессировать.

– Мы об этом уже говорили, – замечаю я, шаря в устилающих поляну алых кленовых листьях. – Такая жизнь точно не по мне.

Майкл садится на пятки, и, честное слово, я будто слышу, как у него в голове ворочаются мысли. Право же, он думает слишком много.

– Это из-за той девушки? Девушки из твоих снов?

Я чувствую, как мое тело напрягается.

– Она снилась тебе опять?

– Нет. – Я заставляю себя расслабить плечи. – Я же тебе говорила, это в прошлом.

Мы продолжаем обшаривать землю, и я тайком, краешком глаза поглядываю на него. Мне не следовало рассказывать ему о ней. И вообще видеть такие сны. Мне просто надо продержаться еще один день, после чего я смогу избавиться от волшебства навсегда.

– Я только что видела на дороге стражников, – говорю я, стараясь не очень-то показывать свое любопытство. – Интересно, зачем они сюда забрались?

Майкл подается ко мне и задевает мою руку рукавом.

– Они едва не изловили узурпаторшу, – шепчет он.

– Каким образом? – спрашиваю я, но тут же стараюсь скрыть свой интерес. – Можешь не говорить, если...

– Вчера вечером они установили в лесу на границе между округом и предместьем медвежий капкан. Он сработал, но наутро они нашли там только лоскуток голубой шерсти и лужу крови.

– А откуда ты знаешь? – спрашиваю я, стараясь не показывать, как мне хочется узнать об этой истории все.

– Нынче утром стражники приходили к моему отцу и спрашивали, не обращался ли кто-то в аптеку в поисках снадобий от ран. Они вроде бы заходили и к твоему отцу, чтобы узнать, не просила ли его какая-нибудь женщина полечить ее раны, но оказалось, что он... нездоров.

Я знаю, что хотел сказать Майкл. Это вежливый способ сообщить, что мой отец опять пропал в предместье.

– Теперь стража ищет узурпаторшу по всему округу. Кто бы это ни был, без должного лечения она долго не протянет. Медвежьи капканы – крайне опасные штуковины. – Его взгляд скользит вниз и задерживается на моих лодыжках. Я тут же прячу их под подол. Не воображает ли он, что это могла быть и я... не поэтому ли вспомнил про сны?

– Нашел, – говорит он, достав жемчужину из мха.

Я отряхиваю ладони от земли.

– Нет, я не хочу огульно хаять... хаять брак, – спешу сказать я, желая поскорее сменить тему. – Уверена, что Кирстен будет тебя боготворить и нарожает много сыновей, – поддразниваю его я, пытаюсь забрать у него жемчужину, но он отдергивает руку.

– Почему ты это говоришь?

– Я тебя умоляю. Об этом все знают. Я видела вас двоих на лугу.

Майкл густо краснеет, делая вид, будто он целиком сосредоточил внимание на обтирании жемчужинки краем рубашки. Он явно нервничает. Я еще никогда не видела, чтобы он нервничал.

– Наши отцы уже давно обговорили каждую деталь. Сколько нам надо детей... и даже как мы их назовем.

Я смотрю на него и невольно улыбаюсь. Раньше я думала, что мне будет странно представлять его женатым, но, оказывается, я была не права. Я чувствую, что брак подходит ему как нельзя лучше, что именно для этого он и создан. Думаю, он все эти годы проводил время со мной просто для забавы, чтобы избавиться от бремени долга перед семьей, а также от мыслей о маячащем впереди годе благодати, – для меня же наша дружба значила куда больше. Нет, я не виню его за то, что он стал таким. Это даже хорошо. Тяжело идти против судьбы, против того, чего от тебя ожидают, против своей собственной природы.

– Я рада за тебя, – говорю я, отлепляя от колена алый кленовый лист. – Правда, рада.

Он поднимает лист и проводит пальцем по его прожилкам.

– Тебе не кажется, что на свете есть нечто большее... нечто лучшее, чем то, что нас окружает?

Я гляжу на него, пытаюсь понять, что он имеет в виду, но мне нельзя ввязываться во все это снова. Это слишком опасно.

– Что ж, если тебя будут посещать такие мысли, ты всегда сможешь сходить в предместье. – И я тыкаю его кулаком в плечо.

– Ты понимаешь, о чем я. – Он делает глубокий вдох. – Уж кто-кто, а ты должна меня понимать.

Я выхватываю у него жемчужину и прячу ее в подгиб подола.

– Не размякай, Майкл, – говорю я. – Скоро ты займешь самое завидное место во всем округе – будешь руководить аптекой, возглавишь совет. Люди станут тебя слушать. И у тебя появится настоящая власть. – Я изображаю на лице жеманную улыбку. – Мне надо попросить тебя об одном маленьком одолжении.

– Для тебя все, что угодно, – отвечает он, вставая.

– Если я вернусь *живой*...

– Конечно же, ты вернешься, ведь ты умная, крепкая, стойкая и...

– *Если* я вернусь, – прерываю его я, стараясь по возможности отряхнуть платье. – Я решила, что хочу работать на земле, и надеюсь, что, благодаря своему месту в совете, ты мог бы замолвить словечко, чтобы мне дали трудиться в полях.

– Зачем тебе такая жизнь? – Он недоуменно сдвигает брови. – Ведь это считается самой плохой из всех работ.

– Это хороший, честный труд. И я в любое время смогу смотреть на небо. И тогда как-нибудь за ужином ты взглянешь на свою тарелку и скажешь: эге, какая славная морковка – и подумаешь обо мне.

– Мне не хочется думать о тебе, глядя на какую-то чертову морковку!

– Да брось ты! Какая муха тебя укусила?

– Совсем скоро тебя некому будет защищать. – Он начинает ходить взад-вперед. – Там, вдали от города, опасно. И я слышал, что толкуют: на полях полным-полно мужчин... ублюдков, готовых вот-вот превратиться в беззаконников, и эти субъекты смогут схватить тебя, когда угодно, стоит им просто захотеть.

– Ха, пусть только попробуют, – смеюсь я и, взяв с земли палку, со свистом разрезаю ей воздух.

– Я не шучу. – Он хватает мою руку, заставляет выронить палку, но все равно не отпускает. – Я беспокоюсь за тебя, – тихо говорит он.

– Перестань. – Я выдергиваю руку из его хватки и думаю: как странно, что он касается меня вот так. За годы нашей дружбы мы, бывало, и дрались, и боролись, валяясь в грязи, и сталкивали друг друга в реку, но сейчас все совсем иначе. Ему меня жаль.

– Да подумай же ты наконец! – кричит он, глядя вниз, на палку, валяющуюся на земле, и качает головой. – Ты совсем не слушаешь то, что я тебе говорю. Я хочу тебе помочь...

– Почему? – Я с силой пинаю палку, и она улетает прочь. – Потому что я глупа... потому что я девчонка... потому что якобы не знаю, чего хочу... потому что в мои волосы вплетена красная лента... потому что я способна на опасное волшебство?

– Нет, – шепчет он. – Потому что Тирни, которую знаю я, никогда не подумала бы обо мне так... не стала бы задавать таких вопросов... особенно сейчас... когда я... – Он досадливо откидывает волосы с лица. – Я хочу только одного – того, что лучше для тебя, – говорит он и, отступив назад, начинает проламываться сквозь подлесок.

Я думаю о том, чтобы броситься за ним, извиниться за то, что своими словами нанесла ему такую обиду, взять назад просьбу об одолжении, чтобы мы могли расстаться друзьями, но, быть может, лучше оставить все именно так. Ведь надо же когда-нибудь расстаться с детством.

Глава 4

Раздраженная и растерянная, я иду по городу, стараясь не замечать пристальных взглядов и шепотков. По дороге я останавливаюсь у загона, чтобы посмотреть на лошадей, которых обихаживают стражники – чистят их, заплетают в косы гривы и хвосты, вплетая в них красные ленты. Точно так же поступают и с нами. И мне приходит на ум вот что – так же они думают и о нас... мы для них всего лишь кобылы, готовые для того, чтобы их осеменили жеребцы.

Ханс подводит одну из лошадей ближе, чтобы я могла полюбоваться ее гривой, заплетенной в прихотливую косу, но мы с ним не говорим. Никому не разрешено обращаться к нему по имени, только «стражник», хотя я знаю его с тех самых пор, как мне было семь лет. Никогда не забуду, как я в тот день зашла в лазарет, рассчитывая найти отца, а вместо него нашла Ханса, который лежал там один – одинешенек с мешком окровавленного льда между ног. Тогда я ничего не поняла, подумав, что это какой-то несчастный случай. Хансу было шестнадцать лет. Он родился у женщины из работного дома. Ему предоставили выбор: либо стать стражником, либо до конца своих дней работать в полях. В округе Гарнер служба в страже считается почетной – стражники живут в городе, в доме, где им прислуживают служанки. Им даже дозволяется покупать одеколон, приготовляемый из ароматических трав и экзотических цитрусовых плодов, и этой привилегией Ханс пользуется вовсю. По сравнению с работой в полях обязанности стражников не так сложны – содержать в порядке виселицу, время от времени утихомиривать одного-двух скандалящих гостей с севера, а также сопровождать в становье девушек, вступивших в год благодати, и через год охранять тех из них, кто возвращается домой. И все же большинство шестнадцатилетних юношей выбирают работу в полях.

Отец говорит, что все стражники должны пережить одну процедуру – всего лишь небольшой надрез, дабы избавить их от плотских желаний, и, может статься, так оно и есть, но, думаю, более мучительную боль им причиняет нечто иное – стражникам приходится жить среди нас, и эта жизнь каждый день напоминает им о том, чего они лишены.

Не знаю, почему тогда в лазарете я не испугалась к нему подойти, знаю только, что, когда я села рядом, он зарыдал. Раньше мне никогда не доводилось видеть, чтобы мужчина плакал.

Я спросила его, что случилось, и он ответил, что это большой секрет.

А я сказала, что умею хранить секреты.

И это чистая правда.

– Я люблю одну девушку, Ольгу Ветроне, но нам никогда не быть вместе, – прошептал он.

– Но почему? – спросила я. – Если ты кого-то любишь, надо жить с ней.

Он объяснил, что эта девушка вступила в свой год благодати, что вчера она получила покрывало от парня из хорошей семьи и теперь у нее нет иного выхода, кроме как выйти замуж.

Еще он сказал, что всегда собирался работать в полях, но ему была невыносима мысль о том, что он больше никогда ее не увидит. А став стражником, он хотя бы сможет оставаться рядом с ней. Оберегать ее. Смотреть, как будут расти ее дети, и даже притворяться перед самим собой, что они родились от него.

Я помню, что подумала тогда: это самая романтическая история на всем белом свете!

Когда через год Ханс отправился за девушками в становье, я думала, что, быть может, увидав друг друга, они решат отказаться от своих обетов и сбежать вместе, однако, когда девушки вернулись в город, у Ханса был такой вид, словно ему явился призрак. Его любимой не удалось вернуться домой. Она пропала без вести, и никто так и не узнал, что с ней случилось. Не нашли даже красную ленту. Ее младшую сестренку в тот же день изгнали в предместье. Эта девочка была лишь на год старше меня, и я стала еще сильнее тревожиться не только за своих сестер, но и из-за того, что может случиться со мной, если они не вернуться.

Потом, зимой, увидев Ханса в конюшне, где он ловко вплетал ленту в хвост какой-то лошадки, я спросила его про Ольгу. О том, что с ней произошло. По его лицу пробежала тень. Подходя ко мне, он снова и снова тер ладонью грудь там, где находится сердце, как будто таким образом мог соединить его осколки. Он и по сей день то и дело трет левую сторону груди. Некоторые девушки насмеются над ним из – за этих непро – извольных движений, из-за постоянного звука трения о ткань, но мне всегда было жаль его.

– Значит, не судьба, – прошептал он.

– А с тобой все будет хорошо? – спросила я.

– Теперь я стану оберегать тебя, – ответил он, и в голосе его прозвучал намек на улыбку.

И с тех пор он меня оберегал.

С тех пор на площади он всегда вставал передо мной, загораживая от моих глаз наиболее жестокие из производимых экзекуций; он раз за разом помогал мне тайком пробираться в амбар, где мужчины собирались в День невест, чтобы я могла за ними понаблюдать; он даже предупреждал меня о том, в какое время стражники делают обход, чтобы я могла не попадаться им на глаза. Если не считать Майкла и девушки из снов, Ханс был моим единственным другом.

– Тебе страшно? – спрашивает он.

Слыша его голос, я удивляюсь. Обычно он не осмеливается заговаривать со мной на людях. Но совсем скоро мне предстоит покинуть родные места.

– А что, должно быть страшно? – спрашиваю я.

Он открывает рот, готовясь что-то сказать, но тут я чувствую, как кто-то дергает меня за платье. Я быстро разворачиваюсь, готовая отругать Томми Пирсона или любого другого, кому хватило наглости дотронуться до меня, но вижу двух моих младших сестер, Клару и Пенни.

– Думаю, мне лучше не знать, в какую историю вы влипли, – бубню я, подавляя смех.

– Ты должна нам помочь, – говорит Пенни, слизывая с пальцев какую-то липкую жидкость. Я узнаю запах – это сладкий кленовый сок. – Мы должны были забрать из аптеки сверток для отца... но...

– Нас перехватили, когда мы туда шли, – выручает сестру Клара, улыбаясь своей наглой улыбкой. – Пожалуйста, заведи его вместо нас, чтобы мы могли помыться, пока матушка не пришла домой.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, – опять начинает Пенни. – Ты же наша любимая сестра. Сделай одно маленькое одолжение, ведь скоро мы расстанемся на целый год!

Когда я прихожу в себя, Ханс уже уходит в конюшню. Мне хотелось попрощаться с ним, но полагаю, прощания даются ему тяжелее, чем остальным.

– Хорошо, – говорю я, чтобы прекратить их нытье. – Но вам лучше поспешить. Матушка сегодня не в духе.

Сестры убегают, смеясь и толкаясь, и мне хочется сказать им, чтобы они наслаждались своей беззаботной жизнью, пока можно, пока ей не настал конец. Но они бы все равно ничего не поняли, а мне не хочется портить им последние годы свободы.

Сделав глубокий вдох, я направляюсь в сторону аптеки. Я не заглядывала туда с того жаркого июльского вечера, но сейчас мне хочется снова посмотреть в лицо жуткой правде – дабы напомнить себе о том, где могу оказаться, если не буду осторожной. Открывая дверь аптеки, я слышу, как звенит колокольчик, и от этого звука меня бросает в дрожь.

– Тирни, какой приятный сюрприз, – говорит отец Майкла и пялится на меня. Когда я не краснею, не начинаю запинаться и не отвожу глаз, мистер Уэлк прочищает горло. – Ты хочешь отнести отцу его покупку? – спрашивает он и, повернувшись к одной из полок, ищет сверток, предназначенный для моего отца, среди нескольких других.

Я гляжу на снадобья и вспоминаю тот вечер.

В тот раз я, как и обычно, тайком вышла из дома, чтобы встретиться с Майклом, но на обратном пути увидела, что в аптеке горят свечи. Подобравшись к самому окну, я обнару-

жила, как отец Майкла открывает тайник, находящийся за шкафом со снадобьями для роста волос и принадлежностями для бритья. Мое сердце часто и гулко забилося, когда я вдруг увидела, как из тени выходит мой собственный отец и заглядывает в тайник с рядами склянок. Одни из них были заполнены чем-то похожим на кусочки вяленого мяса, в других находилась темно-красная жидкость, но мое внимание привлекли не они. Прижав лоб к оконному стеклу, чтобы видеть лучше, я разглядела в одной из склянок плавающее в жидкости человеческое ухо, покрытое белыми пустилами. И, невольно вскинув руку ко рту, случайно стукнула костяшками по стеклу, что сразу же привлекло внимание обоих мужчин.

Хотя я и уверяла, что ничегошеньки не видела, мистер Уэлк настоял на том, чтобы наказать меня.

– Отсутствие должного уважения – это скользкий путь, – изрек он. Но боль от ударов розгой по заду только еще четче отпечатаала в моем мозгу то, что мне пришлось увидеть в том тайнике.

Я никогда никому об этом не говорила – даже Майклу, но я знала – то, что я видела, было останками девушек, убитых беззаконниками, это были кусочки их тел, те самые, которые продают на черном рынке как эликсир молодости и афродизиаки.

Мой отец – лекарь, ищущий способы излечения людей от самых страшных болезней, и мне всегда казалось, что он считает черный рынок суеверием, чем-то вроде пережитков Темных веков – а потому я никак не ожидала, что он настолько тщеславен, чтобы что-то там покупать. И ради чего? Ради того, чтобы зачать сына?

То ухо, плававшее в бутылке с раствором, принадлежало чьей-то дочери. Девушке, которую мой отец, возможно, когда-то лечил или гладил по голове в церкви. Интересно, подумала я тогда, что бы он сделал, если бы в тех склянках оказалась его дочь? Все равно бы захотел поесть моего мяса, выпить мою кровь и высосать мозг из моих костей?

– Да, кстати, чуть не забыл, – говорит мистер Уэлк, суя мне в руки нечто, завернутое в оберточную бумагу. – С Днем невест!

Оторвав взгляд от шкафа, за которым находится тайник, хранящий их грязный секрет, я улыбаюсь ему своей самой обворожительной улыбкой.

Ибо скоро я обрету волшебство, и пусть он молит Бога о том, чтобы я растратила его без остатка, прежде чем вернуться домой.

Глава 5

Слышится звон церковного колокола, и все – мужчины, женщины и дети – спешат на площадь.

– Сейчас еще слишком рано для начала церемонии, – шепчет кто-то.

– Я слышал, что предстоит казнь, – говорит жене один из мужчин.

– Но сейчас же не полнолуние, – отвечает она.

– Они что, разыскали узурпаторшу? – спрашивает мальчик, дергая мать за юбку.

Я вытягиваю шею, желая разглядеть то, что творится на площади, и, действительно, стражники катят к виселице приставные ступеньки. От лязга металлических колес в венах стынет кровь.

Когда мы собираемся вокруг дерева наказаний, я окидываю взглядом толпу, пытаюсь отыскать какой-то намек на то, что нас ждет, но все стоят, словно остолбенев, и неотрывно глядят на тускнеющий свет на холодных стальных ветвях.

Я начинаю гадать: не об этом ли Ханс пытался мне рассказать, не было ли это остережением.

Вперед выходит отец Эдмондс, белые одежды туго обтягивают его пузатое тело.

– Нынче, в наш самый священный день, на рассмотрение совета было представлено дело о волшебстве.

Не знаю, возможно это паранойя, но мне кажется, что взгляд матушки устремляется на меня.

Мои сны. Я с усилием сглатываю и оглядываюсь по сторонам – не слышал ли кто-нибудь, как я сглотнула.

Я ищу глазами Майкла и вижу, что он стоит в передней части толпы. Неужто он донес на меня? Неужто он настолько разозлился, что рассказал совету о девушке из моих снов?

– От имени совета выступит Клинт Уэлк, – говорит отец Эдмондс.

Отец Майкла выходит вперед, и мне кажется, что мое сердце сейчас вырвется из груди. Мои ладони вспотели, во рту пересохло. Должно быть, Пенни и Клара чувствуют, что мне худо, – во всяком случае, они придвигаются чуть ближе, одна справа, другая слева.

Стоя перед нами возле дерева наказаний, мистер Уэлк опускает голову, словно молясь, но готова поклясться – я вижу на его лице чуть заметную улыбку.

Мне становится невыносимо. Внезапно вспоминаются все мои многочисленные грехи – их накопилось столько, что и не счесть. Я расслабилась, повела себя слишком беспечно – мне не следовало рассказывать о своих снах, если уж на то пошло, мне вообще не следовало их видеть. Возможно, в глубине души я даже хотела, чтобы меня поймали? Я уже готовлюсь ответить на обвинения, уверять совет в том, что раскаялась, поклясться избавиться от своих волшебных чар и впредь вести себя хорошо, но тут мистер Уэлк открывает рот. Сейчас он произнесет звук «Т», – пронесется у меня в голове, – но вместо этого его губы смыкаются, произнося «М».

– Мэр Фэллоу, выйди вперед.

Я шумно перевожу дыхание, но этого, похоже, никто не замечает. Наверное, то же самое сделала каждая из девушек, стоящих в толпе. Несмотря на все существующие между нами различия, каждая из нас боится одного и того же – того, что назовут ее имя.

Когда миссис Фэллоу выходит из толпы, женщины подаются вперед и принимаются плевать и улюлюкать ей вслед. Моя мать в таких случаях всегда бывает первой. Не понимаю, зачем ей нужно сыпать соль на рану. Как-то раз миссис Фэллоу спасла меня – мне тогда было три года, и я заблудилась в лесу. Она взяла меня за руку и отвела домой, причем не стала ни выговаривать моей матери, ни доносить, что та позволила мне забрести в место, в которое я никак не должна была заходить. И так-то матушка ее благодарит? Мне становится стыдно.

Я пялюсь на ворота, ведущие в предместье, и пытаюсь думать о чем-то другом, но не могу, ибо слышу шуршание нижних юбок миссис Фэллоу, кажущееся нестерпимо громким, словно похоронный звон.

Мне не хочется на нее смотреть – не потому, что противно или стыдно, а потому, что на ее месте могла бы быть и я. О моих снах знает Майкл. Знает Ханс. И моя мать. Быть может, о них знают все. Но мне никак нельзя отводить взгляд от миссис Фэллоу – она должна почувствовать, что я помню... что мне никогда ее не забыть.

Она похожа на призрак – бледная, похожая на бумагу кожа, седеющая коса, лежащая на ссутулившейся спине. За ней по пятам следует ее муж – это не к добру. Интересно, знала ли, почувствовала ли она, что ее ждет?

– Мэр Фэллоу, тебе предъявляется обвинение в том, что ты не исторгла из себя свое проклятое волшебство. В том, что во сне ты выкрикиваешь непристойности и говоришь на дьявольском языке.

Я не могу представить, чтобы миссис Фэллоу повысила голос, не говоря уже о том, чтобы выкрикивать непристойности, но ее время вышло. Она не родила мужу сыновей, а всех их дочерей отправили в работные дома. Ее чрево бесплодно. Ее мужу нет от нее никакого проку.

– Итак... что ты можешь сказать в свое оправдание? – резко спрашивает мистер Уэлк.

Она молчит; единственная ее реакция – это тонкая струйка мочи на коже поношенного ботинка. Мне хочется встряхнуть бедную миссис Фэллоу, хочется, чтобы она попросила прощения, пощады – тогда ее, быть может, отправят в предместье, – но она стоит молча.

– Что ж, – говорит мистер Уэлк. – От имени Бога и избранных мужей я приговариваю тебя к повешению.

Закон гласит, что женщины – будь то жены, работницы или дети – обязаны смотреть на все казни. И не случайно мужчины выбрали для приговора именно нынешний день – День невест. Прежде чем отослать нас, они хотят преподать нам урок.

До того как взобраться по шатким приставным ступеням, миссис Фэллоу смотрит на своего мужа, быть может, ожидая, что в последнюю минуту он помилует ее, но он и бровью не ведет. И я думаю: если бы у нее и в самом деле был дар колдовать, она бы пустила его в ход. Умертвила бы и своего мужа, и весь совет... а может, и вообще всех нас. И я не стала бы ее винить.

Когда она наконец поднимается по ступенькам и на шею ей накидывают веревочную петлю, одна ее ладонь чуть приоткрывается, и я вижу на ней маленький красный цветок. Он такой крохотный, что кроме меня, его не замечает никто.

И в самый последний миг перед тем, как она повисает над пустотой, до меня вдруг доходит...

Ярко-алый, пять крохотных лепестков – это тот самый цветок, цветок из моих снов.

Я начинаю протискиваться вперед. Мне нужно остановить казнь, нужно спросить у нее, где она нашла этот цветок и что он значит. Однако матушка хватает меня за руку и сжимает мою ладонь – крепко, грубо.

– *Стой смиренно, дочка. Не навлекай позор на нашу семью,* – как бы говорит она.

И я стою в толпе вместе с остальными, глядя, как красные лепестки, прилипшие к ладони миссис Фэллоу, сотрясаются вместе с ее бьющимся в конвульсиях телом, пока цветок наконец не выпадает из безжизненной руки.

Наступает гробовая тишина – после повешения так бывает всегда. Иногда эта тишина длится целую вечность, как будто мужчины хотят, чтобы мы, женщины, как следует прочувствовали то, что произошло с одной из нас, – но на сей раз ее прерывают быстро, словно никому не хочется, чтобы мы задумались над тем, что сделали только что с миссис Фэллоу... чтобы мы поняли, насколько же это *подло*.

Мистер Уэлк опять обращается к толпе, словно не замечая тела, покачивающегося у него за спиной.

– Теперь у нас *тринадцать* неженатых мужчин, – объявляет он, показывая на мистера Фэллоу.

Мистер Фэллоу стоит, постно сложив руки перед собой. Хрыч Фэллоу. Я не могу не вспоминать, каким веселым он выглядел сегодня утром. Не как человек, который собрался обречь на смерть верную жену, а как жених, присматривающий себе новую невесту.

Когда толпа начинает медленно расходиться, я вместо того, чтобы идти прочь вместе со всеми, подхожу к виселице. Мне совсем не хочется видеть тело миссис Фэллоу вблизи, но я должна найти цветок. Мне нужно убедиться в том, что он реален, но дорогу мне преграждает Майкл, вставший передо мною, словно кирпичная стена.

– Нам надо поговорить...

– Я тебя прощаю, – торопливо выпаливаю я, пытаюсь оглядеть мостовую за его спиной, и одновременно ища глазами цветок.

– Ты прощаешь меня?

– Я просто... сейчас не время, – говорю я, опускаясь на колени и продолжая искать. Где же он может быть? Провалился в щель между булыжниками мостовой?

– Вот ты где! – К нему подбегает Кирстен. – Все готово? – шепотом спрашивает она.

Майкл прочищает горло, а он делает это, только когда не может подобрать слова.

– О, а я тебя и не заметила, – произносит Кирстен с натянутой улыбкой. – Мы с тобой станем лучшими подружками, верно, Майкл?

– Ну, хватит, голубки. – Отец Майкла хватается сына за плечо и тащит прочь. – У вас еще будет для этого время, и предостаточно. А теперь нам нужно идти на церемонию.

Кирстен радостно взвизгивает и упархивает прочь.

Наконец-то можно спокойно поискать цветок, думаю я, когда чья-то сильная рука рывком поднимает меня на ноги.

Стражники сгоняют всех женщин к церкви.

– Подождите... там был цветок... – кричу я, но одна из женщин с силой тычет меня локтем в бок.

Сбивается дыхание, и я совершенно теряю ориентировку. Толпа увлекает меня в сторону церкви, и чем дальше я отхожу от тела миссис Фэллоу, тем слабее становится моя уверенность в том, что у нее в руке и впрямь был красный цветок.

Может быть, так это и происходит – именно так я и теряюсь в пучине таящегося внутри волшебства.

Но даже если цветок и вправду существовал, что с того?

Ведь это просто цветок.

А я всего лишь девушка.

Глава 6

Прежде чем запереть всех женщин в церкви, нас считают. При иных обстоятельствах я бы нарочно сделала что-нибудь вызывающее раздражение, дабы привлечь к себе внимание, и подождала бы, когда матушка сделает мне выговор и велит вести себя прилично. А затем незаметно улизнула бы в исповедальню и сбежала из церкви через покои, в которых живет отец Эдмондс. Это всегда и было самым неприятным – запах настойки опия и одиночества, которым пропитана его спальня.

Но нынче ничего этого не будет. Хотя мне и не достанется покрывало невесты, девушки, которые их получают, наверняка захотят насладиться своим превосходством над нами, остальными, упиться переполняющими церковь завистью и разочарованием, словно изголодавшиеся по крови клещи.

Стоя спиной к занавесу исповедальни, я стискиваю его вишневым бархат. Меня прямо-таки убивает мысль о том, что нынче, когда я лично вступаю в год благодати, я не увижу ежегодной церемонии избрания невест. Но стоит мне закрыть глаза, как я снова чувствую, как сено щекочет мой нос, чую запахи эля и пота, проникающие даже на чердак, и слышу, как мужчины называют имена девушек, которые нынче обретут жениха.

Я знаю – их обретут самые красивые и благовоспитанные, но есть и нюанс – покрывало невесты может достаться еще одной из нас. Я обвожу глазами церковь, гадая, кто это может быть. Мег Фишер достаточно хороша собой, однако в ней чувствуется какая-то свирепость. Когда бедняжке кажется, будто ей грозит опасность, она поводит плечами, точь-в-точь как волчица, пытающаяся решить, что ей делать: бежать или нападать. Эйми Дюмон нежна и мила. Из нее бы вышла послушная жена, но у нее слишком уж узкие бедра – она весьма соблазнительна, но ей не пережить роды. Однако некоторым мужчинам нравятся ломкие вещи...

Они любят их ломать.

– Благослови нас, Господи, – говорит миссис Миллер, пытаясь склонить женщин к молитве. – Молим тебя, Отче, наставь мужчин, вразуми их. Да услышат они твой глас и исполнят волю твою.

Я невольно кривлюсь – мне-то отлично известно, что мужчины делают сейчас. Они уже откупорили вторую бочку эля, всюю потчуют друг друга историями о женщинах из предместья и о тех развратных штучках, которые те проделывают за звонкую монету, а также хвастают своими бастардами, рышущими по лесам, охотясь на девушек, переживающих свой год благодати.

– Аминь, – говорят женщины – говорят вразнобой, ибо никогда ничего не делают сообща.

Нынче единственный вечер в году, когда женщинам дозволено собраться в одном месте. Казалось бы, раз такое дело, нам сам Бог велел поговорить, излить друг другу душу. Однако вместо этого все ведут себя мелко душно, меряют друг друга оценивающими взглядами, каждая завидует тому, что есть у других, изводится от суетных желаний. И кто выигрывает от всей этой жажды заткнуть других за пояс, переплюнуть остальных? Мужчины, кто же еще. Нас, женщин, вдвое больше, чем их, и все же мы заперты в этой церкви и ждем, чтобы они решили нашу судьбу.

Иногда мне кажется, что это им, а не нам присуще умение творить волшебство. Злое волшебство.

Хотела бы я знать, что бы произошло, если бы мы все рассказали, как чувствуем себя на самом деле. Хотя бы этим вечером... хотя бы один раз. Они бы не смогли изгнать нас всех. Если бы мы держались вместе, им бы пришлось прислушаться. Но сейчас, когда среди нас ходят слухи об узурпаторше, никто не желает рисковать. Даже я.

– Ты уже решила, в какой работный дом тебе хочется поступить? – спрашивает миссис Дэниелс, сверля глазами мою красную ленту. Она подается в сторону – и я чую явственный

запах железа, к которому примешивается запах разложившегося мяса. Нет сомнений, что она использует кровь девушек, не переживших год благодати, пытаясь продлить молодость. – То есть, разумеется... в том случае, если ты не обретишь жениха, – добавляет она.

Я думаю дать ей вежливый, но неопределенный ответ, который отрепетировала заранее, но тут вспоминаю, что ее муж входит в совет, и теперь, когда мы с Майклом в ссоре, она, возможно, могла бы быть полезна.

– Мне бы хотелось работать в полях, – отвечаю я, готовясь услышать неодобрительное цоканье языком, но миссис Дэниелс уже перешла к своей следующей жертве. На самом деле ей вовсе не нужен мой ответ, она просто хотела вселить в меня сомнение и страх.

– Тирни! Тирни Джеймс! – Миссис Пирсон, мать Томми, манит меня к себе одним-единственным усохшим пальцем. Остальные четыре пальца на правой руке она потеряла в свой год благодати. Отморозила, думаю я. – Дай-ка мне посмотреть на тебя, девушка, – говорит она, выпятив нижнюю губу. – Хорошие зубы. Неплохие бедра. Ты выглядишь достаточно здоровой. – И она с силой дергает меня за косу.

– Простите, – вмешивается Джун, приходя на помощь. – Мне нужно на минутку увести сестру.

Мы отходим, и миссис Пирсон кричит нам вслед:

– Я тебя знаю. Ты старшая дочка Джеймсов. Та, что никак не может забрюхатеть... та, у которой нет детей.

– Мне плевать, что у нее всего шесть пальцев на руках, – говорю я, сжав кулаки, и начинаю разворачиваться, чтобы двинуться к ней, но Джун тащит меня в сторону. – Тебе нужно научиться держать себя в руках, научиться обуздывать свой нрав. Зачем плодить себе врагов? Ведь тебе и так придется нелегко. Но все может измениться, благодаря крупице доброты, – говорит она, глядя меня по руке, затем отходит туда, где стоит Айви. Я провожаю ее взглядом, гадая, что она имела в виду.

Айви поглаживает свой драгоценный живот – она то и дело хвастает тем, что у нее там точно не девочка, а мальчик. Сестра унаследовала от матери всю ее кичливость, но ни крупички такта. Джун стоит рядом и улыбается, но я вижу, как она напряжена. У каждого человека есть точка слома, даже у Джун.

– Посмотри на миссис Хейнс, – говорит кто-то за моей спиной, и сразу же начинаются возбужденные шепотки.

– Интересно, не позволяла ли она другому мужчине видеть ее с распущенными волосами?

– Готова поспорить, что муж опять поймал ее на лугу, когда она паялилась на звезды.

– А кто-нибудь видал ее лодыжки? Может быть, она и есть та самая узурпаторша, которую ищут?

– Не мели чепуху! Если бы это было так, ее бы уже казнили, – резко возражает другой голос.

Когда миссис Хейнс идет по проходу к алтарю, другие женщины подаются назад и в стороны, не отрывая глаз от конца косы, которую в гневе отсек ее муж. Нам самим запрещено стричь себе волосы, но, если муж решает наказать жену, он может отрезать ей косу.

Некоторые женщины перебрасывают свои косы на грудь, и большая их часть отводят глаза, как будто, если на нее посмотреть, ее позор перекинется и на них. И только когда она усаживается на переднем ряду скамей, они возобновляют свои разговоры о пустяках.

Я ощущаю аромат розового масла – приближается Кирстен, за которой следуют Джессика и Дженна. Можно подумать, что они тройняшки, ибо движутся они совершенно синхронно, но Кирстен, похоже, всегда оказывает такое воздействие на тех, на кого желает пролить свой свет. Все трое направляются напрямиком к Гертруде Фентон, которая стоит у стены, пытаясь слиться с панелями из вишневого дерева, но ее нарядное платье не дает ей это сделать.

– Как славненько ты выглядишь в этих кружевах, – говорит Кирстен, теребя отделку ее рукава. – И как мило смотрятся эти перчатки.

Дженна хихикает.

– Она воображает, что стоит ей прикрыть свои пальцы, и она обретет жениха.

Джессика что-то шепчет Гертруде на ухо, и та заливается краской.

Я знаю, что Джессика шепчет Гертруде прозвище, которым они называют ее.

До прошлого года Кирстен и Гертруда были неразлучны, но все переменялось, когда Гертруде обвинили в непотребстве. Поскольку ее косу все еще украшала белая лента, подробности проступка так и не были оглашены, но думаю, из-за этого стало только хуже и позволило нашим фантазиям разыграться вовсю. И, только когда ее вытащили на площадь и плетью содрали с рук мясо до самых костей, я впервые и услышала кличку, которую дали Гертруде и которую девушки передавали из уст в уста.

Грязная Герти.

Тогда она и потеряла всякий шанс обрести жениха.

Но они все равно продолжают ее допекать. Это напоминает мне мою мать и прочих гиен, всегда готовых метнуть первый камень.

Мне хочется броситься в костер, чтобы дать Гертруде шанс спастись от своих обидчиц, но это идет вразрез с моим планом. Я пообещала себе, что постараюсь прожить год благодати, ведя себя как можно тише, а раз так, нужно будет держаться подальше от Кирстен и таких, как она. И как мне ни противно наблюдать за тем, как они терзают столь легкую добычу, возможно, Гертруде пора хотя бы немного закалить свой характер. Ведь предстоящий нам год сулит только страдания.

Я слышала, что, пока мы будем оставаться в станомье, нам никто не причинит вреда. Считается, что это священная земля, и даже беззаконники не осмеливаются заходить на нее из страха, что на них падет проклятье. Но тогда что же заставляло девушек покидать эту безопасную обитель? Быть может, им не давало покоя переполнявшее их волшебство... и именно оно заставляло их поступать глупо? Какова бы ни была причина, некоторые из нас вернутся в округ Гарнер только в виде содержимого склянок – однако это еще достойная смерть. Когда наши тела возвращаются в склянках, с клеймами наших отцов, это не так чудовищно. Намного, намного хуже не вернуться вообще. Одни говорят, что во всем виноваты мстительные призраки, другие утверждают, что все дело в воздействии тамошних диких мест – что в таком окружении девушки сходят с ума и кончают с собой. Но если наши тела не найдут, позор падет на наших сестер – и их изгонят в предместье. Я смотрю на играющих Пенни и Клару и думаю о том, что, живая или мертвая, я непременно должна вернуться в округ Гарнер – должна вернуться ради них.

По мере того как проходят часы и исчезают закуски и напитки, напряжение внутри церкви начинает ощущаться так сильно, что его можно чуть ли не пощупать. Мне хочется верить, что мы сумеем стать другими, но, оглядываясь по сторонам, я вижу, как женщины сравнивают длину своих кос – и это те самые женщины, которые с удовольствием смотрят на то, как таких же, как они, мучают и казнят, которые грызутся и интригуют, лишь бы обрести высокий статус. И я невольно думаю: а что, если мужчины правы? Что, если мы и вправду более ни на что не способны? И без ограничивающих нас запретов порвали бы друг друга на куски, точно свора бродячих собак?

– Несут покрывала, несут покрывала! – кричит наконец миссис Уилкерсон и звонит в колокол. Слышится глухой звон, девушки начинают щипать себя за щеки и отчаянно топтать ногами.

Двери церкви распахиваются, все внутри нее задерживают дыхание, и воцаряется такая глубокая тишина, словно на пороге стоит сам Господь Бог.

Первым порог переступает расчувствовавшийся отец Кир – стен. Когда он накидывает покрывало на голову дочери, та сквозь прозрачный газ обводит взглядом нас всех, дабы удостовериться, что каждая задыхается от зависти при виде ее удачи. Она не просто обрела покрывало – она обрела его первой. Это честь.

За нею покрывала получают Джессика и Дженна. Меня это не удивляет – и та и другая всячески приманивали к себе противоположный пол с тех самых пор, когда им стукнуло восемь лет. Я не завидую юношам, попавшим в расставленные ими силки.

В церковь входит мистер Фентон, его лицо красно то ли от выпитого эля, то ли от переполняющих чувств, а может и от того и от другого сразу, но, когда я вижу, как нежно он накидывает покрывало на голову Гертруды, я не могу не радоваться за нее. Каким-то образом, несмотря ни на что, она утерла нос им всем.

Отцы невест входят в церковь один за другим, держа на вытянутых вперед руках газовые покрывала, и по мере того как они накидывают их на головы дочерей, я все ближе и ближе подхожу к своей цели – к такой жизни, которой хочу для себя сама.

Но тут в церковь входит и мой отец, неся перед собой покрывало, словно это теленок, родившийся мертвым, и меня охватывает такое чувство, будто внутренности мои потрошат тупым ножом.

– Не может быть... – Я, шатаюсь, отступаю назад, но толпа женщин снова выталкивает меня вперед, словно приливную волну.

Сквозь застилающую глаза пелену слез я смотрю на матушку. Она явно удивлена не меньше, чем я сама, и ее тоже шатает, но она, быстро овладев собой, ухитряется гордо вздернуть подбородок и устремляет на меня суровый взгляд, приказывающий мне вести себя благонаравно.

В лицо хлынет кровь, но отнюдь не от смущения. Меня обуревают ярость, я вне себя. И, когда я гляжу на остальных девушек, зная, что ради покрывала каждая из них могла бы пойти на все, даже на убийство, я не могу не испытывать чувства вины.

Как такое могло произойти? Я не сделала ровно ничего, чтобы привлечь к себе одного из женихов, – напротив, я нарочно отталкивала их, насмехаясь над любым парнем, который выказывал ко мне интерес.

Я смотрю на своего отца. Но он упрямо глядит только на покрывало.

Я напрягаю память, лихорадочно соображая, кто бы это мог быть, и тут до меня доходит – Томми Пирсон! В животе разверзается пустота, когда я вспоминаю, как нынче утром на рынке он орал мне вслед, как смотрел на меня, говоря, что любит норовистых баб. Я ищу глазами миссис Пирсон и вижу, что она по-прежнему разглядывает меня и в глазах ее читается жгучий интерес.

Кирстен глядит на меня с чуть заметной улыбкой, и я думаю: неужто она знала... неужто за этим стоит Майкл? Сегодня он защищал Томми, уверял, что тот не так уж плох. Не он ли уговорил Томми подарить мне покрывало, чтобы тем самым спасти от работы на полях? Он сказал, что хочет одного – того, что будет лучше для меня. Неужто он считает, что я заслуживаю такого, как Томми?

Накидывая на мою голову покрывало, отец по-прежнему не может посмотреть мне в глаза. Уж кто-кто, а он понимает, что для меня это означает медленную и мучительную смерть.

Я умею изображать всякие чувства: от огорчения до безразличия – но я никогда не думала, что придется приклеивать к своему лицу выражение счастья.

Дрожащими руками отец опускает покрывало на мои полные ярости глаза.

Сквозь прозрачный газ я окидываю взглядом остальных и вижу на их лицах зависть, слышу шепотки.

Выходит, в этой игре я была шальной картой.

Мне суждено стать женой.

Просто потому, что этого захотел один из парней.

Глава 7

Пока родители ведут меня домой, мои младшие сестренки порхают вокруг, называя имена всех парней и пытаюсь понять по лицу отца, кто из них даровал мне покрывало, но он и бровью не ведет. В соответствии с традицией, я не могу узнать имя будущего мужа до завтрашнего утра, до того, как он подымет мое покрывало во время церемонии прощания. Но я уже сейчас знаю, кто он. Я до сих пор чувствую на себе липкий взгляд Томми Пирсона так явственно, словно это гнойная сыпь.

Муж.

Когда я мысленно произношу это слово, подгибаются ноги, но родители только крепче сжимают мои локти и тащат меня за собой, пока я снова не начинаю идти сама.

Я чувствую себя зверьком, попавшим в капкан, мне хочется плевать и вопить, но я не могу отдаться этому порыву, ведь тогда меня изгонят, и позор падет на моих младших сестер. Мне надо держать себя в руках, пока мы все не окажемся за закрытыми дверьми, но даже там, в нашем доме, я должна буду следить за своим языком. Да, кое-чему отец нас обучил, но если меня изгонят из округа именно сейчас, не пройдет и двух недель, как на мой след выйдут беззаконники – и тогда мне конец.

Когда мои старшие сестры уходят в свои дома, а младших матушка отправляет в постель, я впервые за несколько месяцев остаюсь один на один с отцом – и сразу же вспоминаю, как в тот летний вечер видела его в аптеке.

Я изо всех сил стискиваю лестничные перила, словно желая, чтобы и они испытали боль.

– Как ты мог это допустить? – шепчу я.

И слышу, как он сглатывает.

– Я знаю, это не входило в твои планы, но...

– Зачем тогда ты научил меня всем этим штукам? Показал, каково это – быть свободной, и для чего? Теперь я стала такой же, как они.

– Как бы мне хотелось, чтобы так и было.

Его слова ранят в самое сердце, но я не сдаюсь.

– Ты хотя бы сделал попытку меня отстоять? Ты же мог сказать, что у меня еще не было месячных или что от меня плохо пахнет... хоть что-то в этом духе!

– Поверь мне, по поводу тебя было немало возражений, но твой жених уже все решил.

– А Майкл хоть пытался его отговорить или же он сам все подстроил? Скажи хотя бы это.

– Моя милая дочь, – говорит он, касаясь ладонью моей щеки, и от этого успокаивающего прикосновения мне делается тошно, – мы хотим только одного – того, что будет лучше для тебя. Есть участь и похуже.

– Как у девушек в тех склянках? – Я придвигаюсь к нему, испытывая такую бешеную злость, что не узнаю себя. – Ну и как – дело того стоило? И все ради того, чтобы зачать вождя-ленного сына?

– Значит, вот что ты думаешь? – Он отступает на шаг, словно я внушаю ему страх.

И у меня мелькает мысль – не так ли созревшие девушки поддаются живущему в них волшебству? Не с этого ли все начинается – со слетевшей с языка обмолвки? С непочтения? Не так ли мы становимся чудовищами, о которых тайком шепчутся мужчины?

Я разворачиваюсь и бегу наверх, чтобы не сболтнуть еще чего-то такого, о чем потом придется пожалеть.

Захлопнув за собою дверь, я сдергиваю с головы газовое покрывало. Стащив с себя и платье, я пытаюсь расшнуровать корсет, но куда там – я не могу нашарить его убранные внутрь завязки. Что ж, это немудрено.

Я столько лет надеялась, строила планы, но достаточно было этому мерзкому Томми Пирсону прошептать: «Тирни Джеймс», – как жизни, которую я знала, настал конец. Теперь мне не бродить по тропинкам, не привлекая при этом нежелательного внимания. Никакой больше грязи под ногтями, исцарапанных ботинок и растрепанных волос. Отныне мне будет нельзя ни пропадать целые дни в лесу, ни уходить с головой в собственные мысли – скоро и моя жизнь, и мое тело будут принадлежать мужчине.

Но с какой стати Томми Пирсон выбрал меня? Я же не делала секрета из того, что терпеть его не могу. Ведь он жесток, глуп и кичлив.

– Ну конечно, – шепчу я, подумав о хищных птицах, которых он любит дрессировать. Он наслаждается самой этой дрессировкой, а когда она завершена, теряет всякий интерес к своим питомцам, спокойно смотря на то, как они умирают голодной смертью. Для него это всего лишь игра.

Я бессильно опускаюсь на пол. И вспоминаю, как мы с отцом вырубали дырки во льду озера, там, где оно глубже всего. Как же мне хочется сейчас скрыться подо льдом, исчезнуть в холодной бездне.

В комнату входит матушка, и я спешу накинуть покрывало на место. Обычай велит, чтобы она сняла его с моей головы, одновременно рассказывая о том, каковы обязанности жены. Матушка стоит передо мной, я гляжу на нее сквозь покрывало и жду, что сейчас она резко потянет меня вверх, прикажет встать на ноги и не вешать нос, скажет, что мне повезло – но вместо этого она запекает старинную песню о милосердии и благодати. Потом нежно снимает с меня покрывало, кладет его на туалетный столик и, расплетя мою косу, вынимает из волос красную ленту, и волосы свободными волнами падают мне на спину. Взяв меня за руки, она помогает мне подняться с пола, затем расшнуровывает корсет, и я наконец-то вдыхаю полной грудью. Это напоминает мне о свободе – свободе, которой я лишилась навсегда.

Матушка вешает платье. Я вдруг начинаю задыхаться.

– Это... это не должно было случиться, – бормочу я. – Только не Томми Пирсон...

– Шш-ш, – шепчет матушка и, намочив полотенце в миске с водой, обтирает им мое лицо, шею, руки, охлаждая мое разгоряченное тело. – Вода – это эликсир жизни, – говорит она. – Эту водицу брали из источника, там, где она свежее всего. Ты чувствуешь, как она свежа? – спрашивает матушка, поднеся ткань к моему носу.

Я не могу произнести ни слова и только киваю в ответ. Не понимаю, зачем она это говорит.

– Ты всегда была умной девочкой, – продолжает она, – умной и находчивой. Наблюдай. Слушай. И знай – то, что ты увидишь и услышишь, тебе пригодится.

– Чтобы пережить год благодати? – спрашиваю я, глядя на ее губы, перемазанные темно-красным соком тутовых ягод.

– Чтобы быть женой. – Она подводит меня к кровати, и я сажусь на ее край. – Я знаю, ты огорчена, но поверь, по возвращении будешь чувствовать себя иначе.

– Если я вообще вернусь...

Она садится рядом со мной и снимает серебряный напер – сток, так что я могу разглядеть изуродованный палец, кончик которого утрачен. От ее близости, от этого редкого для нее проявления нежности я начинаю плакать.

– Помнишь, как Джун рассказывала истории про кроликов, живших на огороде? – спрашивает она.

Я киваю, вытирая слезы.

– Среди них имелась одна крольчиха, которая вечно попадала в передряги, потому что то и дело убегала туда, где ей быть вовсе не полагалось. Но зато, благодаря этому, она смогла разузнать много полезного и о тамошнем фермере, и об окружающих землях, узнать то, чего остальные кролики знать не могли. Но добывать знания нелегко, и за них приходится дорого платить.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки.

– Беззаконники... это сделали они? – шепчу я, касаясь ее изуродованной руки. Мягкая кожа горяча. – Они что, пытались выманить тебя из становья? Это и случается с девушками в год благодати?

Она высвобождает руку и вновь надевает наперсток.

– У тебя всегда было слишком живое воображение. Я просто рассказываю тебе о кроликах. Ты же знаешь – нам нельзя болтать о годе благодати. А сейчас мне, наверное, следует напомнить тебе об обязанностях жены...

– Пожалуйста... не надо. – Я качаю головой. – Я помню твои уроки: ноги врозь, руки по швам, а очи обращены к Богу.

Я узнала все об этих вещах задолго до матушкиных уроков. Со своего места в листве дуба я столько раз видела любовников, занимающихся *этим* на лугу. А однажды мы с Майклом не могли слезть с этого дуба, пока у самого подножия его Фрэнклин елозил по Джослин. Тогда мы давились смехом, старались не расхохотаться, но сейчас все это отнюдь не кажется мне смешным – я думаю о том, как же противно мне будет заниматься этим с Томми Пирсоном, слушая его пыхтение и видя над собой его красную рожу.

Опустив глаза в пол, я вижу, как на кремовом чулке матушки расплывается капля крови. Догадавшись, что я вижу эту кровь, она убирает ногу.

– Мне очень жаль, – шепчу я, и мне действительно жаль. Еще один месяц без сына. А что, если конец ее детородной поры уже не за горами? Это опасно. Я не могу себе вообразить, чтобы отец решил избавиться от нее, как это сделал со своей женой мистер Фэллоу, но в последнее время происходит немало такого, чего я и представить себе не могла.

– Нам с твоим отцом повезло, мы любили друг друга с самого начала, но и уважение... и общие цели со временем могут перерасти в нечто большее. – Она убирает за ухо выбившуюся из косы прядь волос. – Ты всегда была его любимицей. Его сорванцом. Знаешь, он никогда бы не отдал тебя тому, кого бы считал... незрелым.

Незрелым? Что-то я не пойму. Ведь как раз этим словом и можно исчерпывающе описать суть натуры Томми.

– Твой отец хочет одного – того, что лучше для тебя, – добавляет матушка.

Я знаю, что следует держать рот на замке, но мне уже все равно. Пускай меня изгонят, пускай высекут до полусмерти – лишь бы больше не приходилось молчать.

– Ты не знаешь, на что способен отец, – спорю я. – А я кое-что *видела*. И кое-что *знаю*. Например, минувшей ночью к нему приходили стражники, и он...

– Я тебе уже говорила... – Она встает, чтобы уйти. – Твое воображение доведет тебя до беды.

– А как насчет моих снов?

Матушка останавливается, и ее спина словно деревенеет.

– Вспомни, что случилось с Евой.

– Но я же вижу сны не о том, как поубиваю совет. Мне снится девушка... с красным цветком, приколотым там, где сердце.

– Не делай этого. Никому не говори о своих снах.

– Она разговаривает со мной. Рассказывает... о том, как все могло бы быть. У нее серые глаза, такие же, как у меня, такие же, как у отца. Что, если она одна из его... его дочь, живущая в предместье? Я видела, как он уходит за ворота, видела столько раз, что и не счесть...

– Думай, что говоришь, Тирни! – рявкает матушка, и в голосе ее звучит нечто такое, что заставляет меня вздрогнуть. – Хотя глаза твои и открыты, ты не видишь дальше своего носа.

Мои глаза наполняются слезами.

Матушка глубоко вздыхает и снова садится рядом.

– Эти сны... – говорит она, нежно обхватив ладонями мое лицо – теперь ее кожа стала холодной и влажной, на лбу выступил пот, – они есть единственное, что принадлежит только тебе, тебе одной. В них тебя никто не может тронуть. Держись за свои сны, пока можешь. Ибо скоро они превратятся в кошмары. – Она целует меня в щеку. – Не верь никому, – шепчет она. – Даже самой себе.

Я чую запах железа, а когда матушка отстраняется, вижу в уголках ее губ что-то красное. И холодею внутри. Это не сок тутовых ягод.

Это кровь.

Те склянки в аптеке. Кусочки плоти убитых девушек, плавающие в смеси крови и самогона. Я думала, отец покупает зелья для себя, но что, если он покупал их для нее – и все ради продления молодости? Неужто ей так отчаянно хочется оставаться молодой, что она готова пожирать таких же женщин, как она сама? Неужто год благодати может сотворить такое со всеми нами? Превратить нас в людоедок?

Едва она скрывается за дверью, как я опрометью бросаюсь к окну, открываю его и жадно вдыхаю свежий воздух. Все что угодно, только бы не чують более этого запаха железа, запаха крови.

Вокруг царит почти гробовая тишина – нужно напрячь слух, чтобы уловить едва различимые голоса напившихся парней и рыдания девушек, которые не обрели женихов.

Я вижу вдалеке неясные огоньки – это горят фонари, они горят и в предместье, и в лесу. Может быть, сейчас в мою сторону оттуда смотрят беззаконники?

Сделав глубокий вдох, я закрываю глаза, раскидываю руки, как орел расправляет крылья, и мою обнаженную кожу обдает холодный осенний ветерок. Я принимаюсь раскачиваться, пока мне не начинает казаться, будто я парю высоко-высоко. Мы с Майклом часто делали это, когда были маленькими детьми. Хочется встать на подоконник и шагнуть в пустоту, чтобы посмотреть, не расцветет ли живущее внутри меня волшебство, не позволит ли оно улететь отсюда, но я знаю – надеяться на это не приходится, ибо это было бы слишком легко.

А легко и не будет.

Глава 8

Я одна в комнате, лежу под пуховым одеялом. И вижу тусклый свет, просачивающийся в щели между плотными шторами. Сейчас может быть и раннее-раннее утро, и конец дня. На мгновение мелькает мысль: а что, если меня забыли разбудить и все это мне просто-напросто привиделось во сне? Однако, оглядев свою спальню и увидав покрывало, свисающее с туалетного столика, точно стекающий с него белесый яд, я понимаю – совсем скоро за мной придут. Да, я могу еще понежиться под одеялом в своей девичьей кровати, предаваясь несбыточным детским мечтам, а могу встать и посмотреть правде в лицо. Отец всегда говорил, что человек состоит из того, что выбирает день за днем, всю свою жизнь. И никто не видит, как ты делаешь этот выбор. И пусть я не вольна выбирать, за кого выйду замуж, сколько рожу детей, но сейчас, в эту минуту, я могу сделать выбор. И сделаю.

Мое тело бунтует, его сотрясает дрожь, когда я откидываю одеяло. Холодный деревянный пол жалобно скрипит под моими ногами, словно чувствует, как тяжело у меня на сердце.

Я уже подошла к окну и собираюсь выглянуть наружу, когда в комнату гурьбой врываются мои сестры.

– Ты что, сошла с ума? – говорит Айви, а Пенни и Клара отталкивают меня от окна. – Тебя же могли увидеть.

До церемонии нам не дозволяется показываться перед противоположным полом без покрывал. Мы более не дети... и пока еще не жены. Но на нас уже заявили свои права, и отныне мы собственность наших будущих мужей.

Как только я отхожу достаточно далеко от окна, Айви раздвигает шторы, и я прикрываю глаза рукой.

– Нынче солнечно, так что тебе повезло, – замечает она, завешивая окно кружевной занавеской. – Когда начинался мой год благодати, дождь вымочил нас до нитки еще до того, как мы подошли к границе округа.

– Тук-тук, – говорит Джун, входя в комнату с дорожным плащом. Это единственная личная вещь, которую нам дозволяется взять с собой. Все остальное нам выдает округ, и, вероятно, все это уже уложено в большие холщовые мешки и погружено на повозки.

– Я подбила этот плащ четыре раза – по одному на каждое время года, – объясняет Джун, вешая его на стул. – Кремовая шерсть, отделанная по краям серым мехом. Под цвет твоих глаз.

– Кремовая шерсть? Как глупо. – Айви с завистью проводит по плащу рукой. – Весной он весь измажется в грязи.

– Он замечательный, – говорю я Джун. – Спасибо.

Она опускает глаза, и щеки ее смущенно рдеют. Большинство девушек, в том числе и Айви, после года благодати становились еще более недоброжелательными, чем были до отъезда. Однако Джун вернулась с такой же безмятежной улыбкой на устах, с какой и отправилась в станомье. Быть может, в этом и заключалось ее волшебство – в полном отсутствии волшебства. Говорят, что и наша мать вернулась такую же, ничуть не изменившись, но мне трудно представить ее умиротворенной и милой.

– А ну, с дороги, – приказывает матушка, входя в комнату с подносом, на котором стоит столько еды, что хватило бы на целое войско. Однако когда мои младшие сестры тянутся за печеньями, она бьет их по рукам. – Не смейте. Это для Тирни.

Если бы мне не досталось покрывала, я бы сейчас ела овсянку в обществе отца на первом этаже при полном молчании, но теперь, когда по возвращении домой меня будет ожидать замужество, матушка так довольна, что принесла завтрак прямо в спальню и готова кормить меня как на убой.

Миссис Томми Пирсон. От одной мысли об этом мне становится не по себе.

Я тайком прячу пару печений в салфетку и поддвигаю ее к краю туалетного столика. Мои младшие сестренки хватают салфетку с такой жадностью, будто не ели сто лет, и заползают под кровать, чтобы съесть все там. Я слышу, как они хихикают и посмеиваются над матушкой, но она делает вид, будто ничего не слышит. С Джун и Айви мама вела себя строго, но, думаю, мои проделки так ее измотали, что она не выдержала и сдалась.

– Ешь, – говорит она.

Вообще-то мне не хочется есть, но я уплетаю столько колбасы, яичницы, яблочного пюре, печений и выпиваю столько молока, сколько только могу. Я делаю это не из чувства долга и не затем, чтобы умаслить мать, а потому, что я не дура. Стражники, сопровождающие девушек в становье каждый год, отсутствуют четыре дня, стало быть, и дорога туда, и дорога обратно занимает по два дня. Повозки предназначены для вещей и припасов, так что нам, девушкам, придется проделать весь путь пешком. И на этом пути я отнюдь не собираюсь падать в голодный обморок, ведь за каждым нашим шагом будут следить беззаконники, ищущие легкую добычу. Так что мне нужны силы.

Пенни выбирается из-под кровати, сдергивает с туалетного столика покрывало, накидывает его себе на голову и смотрится в зеркало.

– Смотрите, глядите... я первая из выбранных невест. – Она кокетливо хлопает ресницами и обмахивается рукой.

Я понимаю, что она просто дурачится, но, когда вижу ее с покрывалом на голове, внутри меня что-то вскипает.

– Прекрати! – ору я и сдергиваю покрывало. Она воззрится на меня с таким потрясенным видом, будто я ударила ее по щеке. Вероятно, она думает, что я себялюбка, которая не желает, чтобы трогали ее вещи, но дело обстоит как раз наоборот. Мне хочется сказать, что ей вовсе не обязательно выходить замуж. Однако я не хочу давать сестре ложную надежду, такую же, какую мне дал наш отец. Ведь из-за этого потом становится намного, намного тяжелее.

Но, с другой стороны, если девушка из моих снов реальна... надежда еще есть. И для Пенни, и для всех нас.

Я наклоняюсь, чтобы извиниться, но тут она пинает меня в голень. Я улыбаюсь – она еще не пала духом. Как, вероятно, и я сама.

Матушка заплетает мне косу с красной лентой, затем я меняю ночную рубашку на закрытую сорочку и надеваю дорожное платье из плотного полотна, а поверх него накидываю плащ. Он тяжелее, чем я думала, но это потому, что он основательно сшит. Из Джун получилась бы чудесная мать. Я перехватываю жадный взгляд, которым она смотрит на выпуклый живот Айви, и мне становится больно. Жизнь порой кажется такой несправедливой. Никто не защищен от таких вещей, какой бы хорошей и доброй ты ни была.

Я натягиваю плотные шерстяные чулки, затем обуваю ботинки из коричневой кожи и туго затягиваю шнурки. Теперь мне надо оставить отпечаток ступни. Таков обычай. Клара и Пенни смеются, споря о том, кому из них что делать, но мои старшие сестры и мать неподвижны, как столбы. Они понимают всю серьезность момента. Клара проводит валиком, намазанным желеобразной красной краской, по моей правой стопе, после чего я ставлю ее на лист плотного, жесткого пергамента и переношу на нее весь свой вес. Когда пергамент отлепляют, меня пробирает дрожь – не только из-за того, что краска холодна, но и по другой причине. На отпечатке видно клеймо, которое отец выжиг своей печаткой на моей правой ступне, когда я родилась. Это клеймо представляет собой вытянутый прямоугольник с тремя косыми чертами внутри, олицетворяющими три меча. Если меня умыкнет и зарежет беззаконник и я попаду домой только в склянках, мое тело опознают именно по этому клейму.

Со стороны площади доносится колокольный звон, он заставляет мое сердце болезненно сжаться.

Мои сестры торопливо помогают мне завершить одевание.

Матушка накидывает мне на голову покрывало, я вижу в зеркале свое отражение, похожее на призрак, и с усилием делаю неглубокий вдох.

– Можно на минутку остаться одной? – спрашиваю я.

Матушка понимающе кивает.

– Девочки, уходите, – говорит она и, выведя их из моей комнаты, тихонько закрывает за собой дверь.

Приподняв покрывало, я начинаю практиковаться, изображая на лице вялую робкую улыбку, снова, снова и снова, пока у меня не получается нечто сносное. Но как я ни стараюсь, мне не удается пригасить огонь, пылающий в моих глазах. И я опять думаю: а что, если все дело в пробуждающемся во мне волшебстве? Если повезет, из моих глаз вот-вот вырвется пламя и сожжет всех на месте. Может быть, не поднимать глаз? Может быть, не так уж плохо, что мои губы говорят одно, а глаза – другое? Томми подымет мое покрывало, ожидая увидеть орлицу, а я предстану перед ним голубкой.

Но я не из тех птиц, которых можно приручить.

Я не позволю этого никому.

Глава 9

Никогда не думала, что когда-нибудь буду радоваться тому, что мое лицо спрятано под покрывалом, но благодаря тонкому газу путь до площади становится терпимым. Взгляды мужчин не кажутся такими уж плотоядными, резкие слова приглушены, а падающие листья осин больше похожи на яркое празднество, чем на смерть лета.

До меня долетают обрывки непристойных реплик...

– Как она могла...

– Кому она могла...

– Должно быть, она...

В прежние годы я вслушивалась в каждое слово, ища подсказок, но тогда местные жители говорили не обо мне.

Засунув дрожащие руки в карманы плаща, я нащупываю маленькую речную жемчужинку. Странная форма, голубовато-розовый блеск. Это та самая жемчужинка, которую я спрятала в подгиб подола платья Джун, чтобы не потерять ее. Должно быть, она, моя самая старшая сестра, положила жемчужинку в карман мне на память. Я ощупываю жемчужинку, чувствуя некое родство между нею и собой. Быть может, если мне удастся пережить предстоящий год и растратить все свое волшебство, я смогу возвратиться такой же жизнерадостной, какой и была.

Из предместья слышится звук рога, возвещающий о возвращении девушек, которые пережили свой год благодати, а также начало сезона охоты.

– *Vaer sa snill, tilgi meg*, то есть *пожалуйста, прости меня*, – шепчет отец на языке своих предков, вручая мне цветок, который выбрал для меня мой жених. Гардения. Символ чистоты и тайной любви. Этот цветок вышел из моды давным-давно. Должно быть, за Томми цветок выбрала его мать – это единственное возможное объяснение – ведь сам он никак не мог сделать такой романтический выбор. Хотя, возможно, он настолько извращен, что выбрал этот цветок, олицетворяющий чистоту, чтобы показать, с какой радостью растопчет мою жизнь.

Моя семья окружает меня, дабы проститься и вознести молитву о моем благополучном возвращении домой, и мне приходится стиснуть зубы, чтобы не заплакать. Говорят, беззаконники за милю чувят запах заключенного в нас волшебства. Говорят, девушки, с которых они заживо сдирают кожу, вопят по нескольку дней. Говорят, чем сильнее боль, тем действеннее становится снадобье, сделанное из их плоти.

Когда мы вытягиваемся в шеренгу, а за нашими спинами располагаются зеваки, я замечаю Кирстен, вставшую рядом со мной. Видно, что ей ужас как хочется, чтобы я непременно заметила ее цветок – камелию, которую она держит кончиками пальцев. Это красная камелия, символ необузданной страсти, пламени, горящего в сердце. Смелый выбор. Я и не знала, что в натуре Майкла есть и такая сторона. Я бы порадовалась за него, если бы мне все еще не хотелось его придушить.

Юноши начинают свой путь к нам от церкви, и раздается барабанный бой. В моей душе бурлят сразу несколько чувств: стыд, страх, гнев. Я закрываю глаза, пытаюсь заставить сердце биться в такт звукам барабана и топоту женихов, но тело отказывается повиноваться. Даже в такой простой вещи оно не желает уступить. Не желает сдаваться.

Бух.

Бух.

Бух.

Я украдкой бросаю взгляд на женихов и тут же жалею об этом. Первым в очереди стоит Хрыч Фэллоу, плотоядно облизывая свои тонкие губы. И я не могу не вспомнить, как он стоял

перед раскачивающимся телом своей только что повешенной жены, когда мистер Уэлк объявлял, что завтра он выберет себе новую жену.

Новую жену.

И вдруг меня, словно молотом, ударившим прямо в грудь, бьет ужасная догадка. Мое дыхание пресекается, колени подгибаются, мысли несутся вскачь – я перебираю в памяти, как он посмотрел на меня здесь, на площади, вчера утром, как дотронулся до полей своей шляпы и поздравил с Днем невест, как пялился на красную ленту, свисающую на мой зад. И этот старомодный цветок... Вполне может статься, что такой цветок он дарил и трем предыдущим своим женам. А тут еще слова матушки, заметившей, что отец ни за что не отдал бы меня в жены кому-то... *незрелому*. Стало быть, вот что она пыталась сказать. Мой будущий муж – это Хрыч Фэллоу. Эта мысль вызывает у меня невыносимое отвращение. Я пытаюсь убедить себя, что все это только плод моего воображения, что мой страх ни на чем не основан, но, снова взглянув на этого мерзкого старикашку, я вижу: он пялится прямо на меня. И одновременно с потрясением возникает такое чувство, будто я всегда предвидела нечто подобное. Возможно, это кара Господня за то, что мне хотелось чего-то большего. Мои сны... то, чему научил нас отец, – все это пустое. Потому что в конце концов мне придется... получить то, что лучше для меня самой.

Бух.

Бух.

Бух.

Хрыч Фэллоу приближается, и, хотя я и стараюсь держать себя в руках, не выдавать своих чувств, меня бьет дрожь, и мое покрывало трясется, несмотря на полное безветрие этого ясного, солнечного дня. Опустив глаза, я жду, с ужасом жду того момента, когда он предъявит на меня права, но он проходит мимо и останавливается перед девушкой, держащей в руке розовую настурцию. Цветок, символизирующий искупительную жертву. Я смотрю, как он поднимает покрывало, и у меня сжимается сердце, когда я вижу лицо его невесты – это Гертруда Фентон. Он наклоняется и что-то шепчет ей на ухо; она не улыбается, не краснеет и даже не отшатывается. Не делает вообще ничего, только проводит большим пальцем одной руки по изуродованным костяшкам другой.

Сейчас мне следовало бы испытывать облегчение. От мысли о том, что его старое дряблое тело будет прижиматься к моему, меня тошнило, но Хрыча Фэллоу не заслуживает никто, даже Гертруда Фэллоу.

Бух.

Бух.

Бух.

Я снова украдкой смотрю на женихов и вижу, как Томми и Майкл улыбаются друг другу. Меня охватывает невероятная ярость. Крепко зажмурившись, я стараюсь заставить себя остыть, но перед моими глазами снова встает рожа Томми, я явственно слышу, как он пыхтит. Мне казалось, что я уже подготовила себя к этому моменту, отрепетировала свою роль до совершенства, но чем ближе он подходит к невестам, тем жарче горит огонь. Мне хочется бежать... хочется сжечь себя... чтобы от меня осталась лишь кучка золы.

Бух.

Бух.

Бух.

Рядом со мной подрагивает покрывало Кирстен. Я слышу, как она вдруг резко втягивает в себя воздух, и ее красная камелия падает на булыжники мостовой. Наверняка затем, чтобы она смогла эффектно обнять Майкла. Она всегда умела устраивать представления.

Бух.

Бух.

Бух.

Перед моими опущенными глазами появляются ноги в начищенных сапогах. Я слышу тяжелое дыхание. Слышу, как перешептывается толпа за моей спиной. Вот оно. Его пальцы касаются края покрывала, но в нерешительности медлят – вот уж не ожидала. Он подымает тонкий газ – медленно, не спеша.

– Тирни Джеймс, – шепчет он, и это явно не Томми.

Я подымаю глаза – и чувствую себя, как окунь, выброшенный на берег реки и раскрывающий рот, пытаюсь вдохнуть.

– Майкл? – выдавливаю из себя я. – Что ты делаешь?

В полной растерянности я бросаю взгляд на Кирстен и вижу, как ее лапает Томми Пирсон, а его каблук впечатывает в землю красный цветок камелии.

– Это... это какая-то ошибка, – лепечу я.

– Никакая это не ошибка.

– Но почему? – У меня кружится голова, а вдруг ослабевшее тело отбрасывает назад. – Зачем тебе это делать?

– Неужели ты думала, что я и впрямь пошлю тебя на поля?

– Но я же сама этого хотела, – ляпаю я, затем быстро понижаю голос: – Как ты мог ради меня пожертвовать своим счастьем?

– Ничем я не жертвовал. – На мгновение его взгляд устремляется в небо, а на устах мелькает страдальческая улыбка. – Тирни, ты должна знать. – Он берет меня за руки. – Я так долго пытался тебе сказать. Я люблю те...

– Перестань! – Я говорю это слишком громко, привлекая непрошеное внимание. – Перестань, – повторяю я, перейдя на шепот.

– Вчера я попытался тебе сказать, – говорит он, приблизившись ко мне на шаг.

– Но я же видела тебя... видела с Кирстен... на лугу.

– Уверен, что ты видела ее там и со многими другими, но по доброте душевной не стала рассказывать об этом.

– Какая там доброта. – Я смотрю в землю и вижу, как носки его сапог почти касаются носков моих ботинок. – Из меня никогда не получится жена, которая тебе нужна.

Его теплые пальцы приподнимают мой подбородок.

– Знаешь, что мне нужно? – говорит он, придвинувшись вплотную. – Чтобы ты осталась такой же. Тебе ничего не надо в себе менять.

Мои глаза наполняются слезами. Нет, не от облегчения, не от счастья. То, что он сделал, кажется мне самым худшим из предательств – а я-то думала, он меня понимает.

– Хватит, Майкл. Пора, – окликает сына мистер Уэлк, глядя на меня волком. Наверняка во время церемонии избрания невест он был одним из тех, кого имел в виду мой отец, когда сообщил, что по поводу меня было немало возражений. Конечно же, я совсем не похожа на ту невестку, которую ему бы хотелось получить.

Майкл целует меня в щеку.

– Я не имею ничего против твоих снов, – шепчет он. – Но мне самому будешь сниться только ты.

Я не успеваю ответить, не успеваю даже вздохнуть, ибо створки ворот вдруг распахиваются, возвещая прибытие домой девушек, переживших свой год благодати. Атмосфера вокруг сразу же меняется, все становится иным. Теперь речь идет уже не о покрывалах... не об обещаниях... не о разочарованиях... не о мечтах – а о жизни и смерти.

Снова звонит колокол – но на сей раз это погребальный звон. Мы начинаем считать – двадцать шесть. Стало быть, девять девушек пали под ножами беззаконников. На две больше, чем в прошлом году.

Церемонии прощания нет. Как нет и заверений в любви от тех, кого мы оставляем позади. Все и так уже сказано. И в то же время не сказано ничего.

Нас ведут к воротам, и я замечаю длинную очередь из мужчин, стоящую у сторожевого поста. Я не узнаю этих мужчин, они явно не из нашего округа, но мой интерес быстро угасает, когда мы равняемся с девушками, которые вернулись домой измученными, исхудалыми, пахнущими гниением и болезнями.

Девушка, идущая передо мной, замедляет шаг и пялится на одну из тех, что вернулись.

– Лизбет, – шепчет она. – Сестра, это ты?

Лизбет подымает голову, и на том месте, где у нее было ухо, я вижу покрытый засохшей кровью струп. Она моргает, словно пытаюсь пробудиться от нескончаемого кошмара.

– Пошевеливайся. – Девушка, идущая за нею, толкает ее в спину, она бредет дальше, и я вижу, что коса у нее отрезана, а обвисшая красная лента грязна.

И надо помнить – этим девушкам еще повезло.

Я с замиранием сердца всматриваюсь в их лица, пытаюсь разглядеть на них хоть слабый намек на то, что нам предстоит... что нас ждет. В глазах, смотрящих с их изможденных, покрытых слоем грязи лиц, тлеет злоба, и меня не покидает ощущение, что эта злоба направлена не против мужчин, сотворивших с ними такое, а против нас, чистых и еще не сломленных девушек, обладающих волшебством, которое покинуло их самих.

– Ты покойница, – говорит Кирстен и изо всех сил бьет меня локтем в бок, вышибая из легких воздух. Я сгибаюсь, пытаюсь восстановить дыхание, а идущие мимо меня девушки шипят:

– Шлюха.

– Предательница.

– Потаскуха.

Майкл воображает, что спас меня от работы в полях, но на самом деле он просто превратил меня в ходячую мишень.

Я вспоминаю, как матушка говорила, чтобы я не верила никому, а в уголках ее рта краснела кровь.

Когда я оглядываюсь на медленно закрывающиеся створ – ки ворот, на сестер, матерей и бабушек, которые глядят нам вслед, меня пронзает ужасная мысль. Что, если они ничего не рассказывают про год благодати из-за нас самих? И как мужчины могут жить с нами, заботиться о наших детях, зная, какие ужасы мы творим друг с другом... когда остаемся одни... в окружении диких лесов... во тьме?

Глава 10

На дороге нет никаких знаков, которые бы говорили о том, что мы входим в предместье, и стражники ничего нам не говорят, они только теснее смыкают круг, в середине которого мы идем.

В лесу среди деревьев с наполовину опавшей желтой и красной листвой там и сям видны домики, крытые соломой, в воздухе пахнет землей, только что выдубленными шкурами, древесным дымом, осенними цветами... а еще я чую кровь.

Я не могу определиться, нравится мне смесь этих запахов или нет, но одно знаю точно – она говорит о том, что здесь кипит жизнь.

Хотя живущих тут женщин не защищают ни ворота, ни церковь, ни совет, похоже, им это нипочем. Правда, я слышала, что, если сюда изгоняют жен, они быстро погибают. Остальные же женщины, если они молоды и кто-то дает им кров, могут обслуживать потребности мужчин из округа за звонкую монету. Их незаконнорожденные сыновья становятся беззаконниками, а дочери идут в проститутки по примеру своих матерей. Когда-то я удивлялась, не понимая, почему бы им просто-напросто не уйти в другие края – ведь их никто не держит... здесь нет ни законов, ни оград. Говоря о себе, я могла бы сослаться на то, что не могу бежать, потому что за это накажут моих младших сестер, но в глубине души я знаю – дело не только в этом. Я никогда не слышала ни о ком, кто бы вернулся из тех далеких краев живым. Мужчины твердят, что округ Гарнер – это рай на земле, и, если даже это ложь, нельзя отрицать, что благодаря нашим обычаям, нашему образу жизни мы выживаем на этой земле уже много лет, за которые сменилось несколько поколений. А если это правда, то я содрогаюсь от одной мысли о том, что лежит за лесами, горами и равнинами. Возможно, именно страх перед неизвестностью и привязывает нас к здешним местам.

Когда из леса выходят женщины предместья и собираются по обеим сторонам дороги, Кирстен задирает подбородок так высоко, как только возможно. Остальные девушки делают то же самое, но я вижу гложущий их страх: на напрягшихся шеях выступают вены – ни дать ни взять гуси пред забоем, вытягивающие на колоде свои длинные шеи в инстинктивном стремлении умереть сразу, без мук.

А вот мне не страшно.

Я хотела увидеть это место всю жизнь.

Да, я говорила, что оставлю свои сны в прошлом, но мне известно, что отец тайком ходит сюда, в предместье, уже много лет. Что, если та девушка живет здесь... что, если она меня ждет? Моя тайная единокровная сестра, которой я буду рада. Быть может, и она видит сны, сны обо мне. От этой мысли у меня голова идет кругом. Только бы увидеть ее... убедиться, что она реальна, что она существует.

Я вглядываюсь в толпу и вижу, что все девочки здесь одеты в платья из сурового полотна, а взрослые женщины – в платья из полотна, выкрашенного свекольным соком. Это напоминает мне о красных лентах в наших волосах. Вероятно, этот бордовый цвет говорит о том, что у них уже были месячные... что они готовы обслуживать мужчин.

Их волосы распущены, в них виднеются лепестки цветов, и они стоят так близко, что я почти чувствую тепло, исходящее от их тел, и вижу, что их груди не стесняют ни корсеты, ни повязки. Они сердито перешептываются, и я понимаю – не только любопытство привело их сюда. Они завидуют нам, и от этой мысли становится не по себе.

Их взгляды сверлят тех девушек, на головы которых накинута покрывала. А я-то совсем позабыла, что оно есть и у меня. Я торопливо сдергиваю его с головы, пытаюсь засунуть под плащ, но уже поздно – они его видели.

Должно быть, для них покрывала олицетворяют собою все то, чего никогда не будет в их жизни и чего они, как им кажется, хотят.

Законнорожденность. Стабильность. Защиту. Любовь.

Если бы они только знали...

Хотя это и нелегко, я вглядываюсь в лица всех этих женщин, всех до одной. Молодые, старые, те, которые и не молоды, и не стары. На иных из этих лиц я вижу ее черты: вот темные волосы, мыском вдающиеся в лоб, чуть заметная ямочка на подбородке – но ни у одной из них нет красной маленькой родинки под правым глазом.

Я чувствую себя дурой – и что на меня нашло, как мне вообще пришло в голову искать ее здесь? Но тут мой взор падает на крошечный красный цветок в волосах одной из тех, кто стоит у утоптанной дороги. Нет, она не похожа на девочку из моих снов, но этот цветок я узнаю везде. Он должен, должен что-то значить. Меня тянет к этой женщине, я хочу подойти к ней, но тут кто-то толкает меня в спину, и я падаю на колени. Жаркой волной меня обдает гнев. А когда я снова встаю на ноги, женщины с красным цветком в волосах уже не видно. Что, если ее не было вообще?

– Иди осторожно, не спотыкайся. – Кирстен оглядывается на меня с ухмылкой на лице.

Что-то внутри щелкает – быть может, это пробуждается заключенное во мне волшебство, или я просто дошла до ручки, но я решаю задать ей бучу. Однако, когда я устремляюсь к ней, кто-то хватает меня за руку. Я поворачиваюсь, готовясь наорать на стражника за то, что он посмел меня коснуться, но оказывается, что это Гертруда Фентон.

– От этого станет только хуже, – говорит она.

– Пусти. – Я пытаюсь вырвать руку, но Гертруда только сжимает ее еще крепче.

– Тебе не стоит высовываться.

– Да ну? – Я наконец-то высвобождаю руку. Гертруда сильнее, чем я думала. – И что, неужто это как-то помогло тебе самой?

Ее лицо заливают краска, и мне тут же становится стыдно.

– Послушай, – говорю я. – Если я не постою за себя, она начнет обращаться со мной...

– Так же, как со мной, – перебивает меня Гертруда. – Ты думаешь, я слабая.

– Нет, я так не думаю, – шепчу я, но мы с ней знаем, что это ложь.

– Ты всегда считала, что ты лучше нас. Ты думаешь, что умеешь ловко прятаться и хорошо притворяться, но это не так. У тебя все написано на лице – и так было всегда, – говорит она, продолжая идти вперед.

Надо прекратить разговор, уйти в свои мысли, но мне стыдно, что я ни разу не пришла ей на помощь. Мне хотелось это сделать, хотелось много раз, однако я предпочитала не привлекать к себе внимания, и вот теперь ради меня она готова подставить себя под удар. Это отнюдь не говорит о слабости натуры.

Догнав ее, я пристраиваюсь рядом.

– Раньше вы с Кирстен были подругами неразлейвода.

– Все течет, – говорит она, глядя прямо перед собой.

– После твоего... – Я невольно смотрю на костяшки ее пальцев.

– Да, – отвечает она, одернув рукава.

– Мне очень жаль... что с тобой произошло такое.

– А мне как жаль, – говорит она, не отрывая глаз от затылка Кирстен. – Если у тебя достаточно ума, ты перестанешь высовываться. Ты понятия не имеешь, на что она способна.

– Зато знаешь ты, – замечаю я, надеясь услышать ответ на интересующий меня вопрос.

– Та литография даже не была моей, – чуть слышно бормочет Гертруда.

– То есть речь шла о литографии? – спрашиваю я. Все знают, что у отца Кирстен есть коллекция старинных литографий.

Гертруда стискивает зубы и опускает покрывало на глаза, давая понять, что наш разговор окончен.

И мне вспоминается поговорка, которую часто повторял мой отец. Чужая душа – потемки.

Ясно одно – Гертруде Фентон есть что скрывать.

Так что, может статься, мы с ней не такие уж разные.

* * *

Стражники ведут нас на восток и останавливаются только тогда, когда после захода солнца проходит немалое время и мы оказываемся на месте, где, по всей видимости, не раз разбивался привал. На сгнившем стволе дерева висит грязная тряпка с пятнами крови. Должно быть, минувшую ночь возвращавшиеся домой девушки провели именно здесь.

– Ставлю две монеты на дочку Спенсеров, – говорит один из стражников, метко плюнув между спицами колеса повозки.

– Можешь сразу сказать этим деньжатам «прощай», – расстилая свою скатку, отвечает другой стражник, тот, у которого темные усы. – Первой скопытится дочка Диллонов – это как пить дать.

– Та дылда?

– Ага, она. – Он криво усмехается, и в голосе его звучат уверенность и печаль. – Думаю, она не протянет и двух недель.

Пока они оценивают нас, я разглядываю их.

Эти стражники не такие, как Ханс. Сопровождение девушек к становой считается самой неуважаемой из тех работ, которые выполняет стража, стало быть, они слишком стары или слишком молоды, слишком глупы или слишком ленивы, чтобы делать что-то иное. Держатся они так, словно мы, девушки, их не интересуем, однако я вижу, что это не вполне правда. Во взглядах, которые они тайком бросают на нас, читаются такая тоска, такое отчаяние – и в то же время они ненавидят нас из-за того, что округ Гарнер отнял у них их мужское естество. Интересно, считают ли они по-прежнему, что служба в страже стоит того, чтобы согласиться на кастрацию?

Я стою у корявой сосны, растущей на одинаковом расстоянии от остальных девушек и от охраняющей их стражи. Здесь слышно и то, что говорят первые, и то, о чем толкуют вторые, и отсюда хорошо виден окружающий нас лес. Но я понимаю, как это может выглядеть со стороны. Наверное, Гертруда права, и я действительно считала себя лучше других. Раньше я воображала, что могу оставаться незаметной и что мне все нипочем, однако теперь это определенно не так. Майкл предал меня, даровав покрывало невесты, в предместье не оказалось девушки из моих снов, и, ко всему прочему, теперь я ходячая мишень. Но еще не все потеряно. Есть Гертруда Фентон, и, быть может, она станет мне верной подругой, хотя прежде я полагала, что подруги никому не нужны.

Я смотрю на нее из темноты – она сидит среди прочих отверженниц, играя с концами красной ленты. Но даже остальные отверженницы стараются держаться от нее подальше. Если дело в литографии и Кирстен свалила свою вину на Герти, это значит, что она способна на все.

Хотя мне и хочется защитить Гертруду, я вспоминаю то, что сказала моя мать. *Не верь никому. Даже самой себе.*

По лагерю проносится легкий ветерок, и я плотнее запахиваюсь в плащ. Мне до смерти хочется погреться у костра, но я еще не готова присоединиться к остальным.

Сняв обувь, я растираю пальцы ног. Мне хватило ума начать разношивать ботинки, как только я их получила, и теперь они достаточно удобны, но, похоже, другим девушкам в этом плане повезло меньше.

Без напольных часов, стоящих у меня дома, и церковного колокола я не могу сказать, который сейчас час. Но, наверное, это уже не важно. До того времени, когда это снова станет важно, остается целых тринадцать лун. Но не надо забегать вперед. Отец всегда говорил, что проблемы следует решать не скопом, а поочередно, одну за другой, и сейчас моя главная проблема – это Кирстен. Надо держаться от нее подальше, пока мы не доберемся до становья. Кто знает, быть может, у нас всех будут уютные маленькие хижины, и мне не придется иметь с ней никаких дел.

А пока что я займусь тем, что умею.

Буду слушать.

И наблюдать.

Ветер гуляет по обступающему нас бору, и сосны гнутся и скрипят.

– Как вы думаете, за нами сейчас наблюдают беззаконники? – спрашивает Бекка, вглядываясь в густой темный лес.

– Я слыхала, что они идут за девушками по пятам всю дорогу, до самого становья, – шепчет Пэтрис.

– Давайте посмотрим. – Кирстен встает. – Вам нужно вот это?! – вопит она, подняв юбки и показывая свои ноги лесу.

– Перестань. – Девочки тянут ее обратно на землю, хихикая, как будто все это какая-то игра.

– Моя старшая сестра говорила, что беззаконники одеты в саваны, закрывающие все их тело, – шепчет Джессика.

– Как призраки? – спрашивает Хелен.

– Призраки не носят саванов, глупая, – смеется Дженна. – Разве что в маскарадных процессиях, на Рождество.

– Ая слыхала, что беззаконники облачаются в саваны из-за своих уродств, – мрачно говорит Тамара. – А еще у них огромные рты, а зубы острые, как бритвы.

– Полно, я готова поспорить, что их тут вообще нет, – уверяет Марта. – Ведь за всю дорогу мы ни разу их не заметили. Вероятно, нам рассказывают о них просто для того, чтобы напугать.

– Но зачем? – спрашивает Равенна, теребя покрывало, и колючий жесткий газ скрипит между ее пальцев.

Я подвигаюсь ближе к остальным. Береженого Бог бережет.

– Чтобы мы не сбегали из становья, – отвечает Кирстен. – Они не хотят, чтобы мы буйствовали, пуская в ход наше волшебство... нашу силу. – Она подается вперед и понижает голос. – Я чувствую, что оно уже здесь, во мне. Чувствую какое-то трепыхание вот *тут*. – И она, распахнув плащ, кладет ладонь с растопыренными пальцами пониже пупка.

По кучке сгрудившихся вокруг костра девушек проносится трепет предвкушения – то же самое чувствуется в толпе перед началом казни.

– Мне не терпится узнать, в чем выразится мое волшебство, – говорит Джессика, выпрямляясь.

– Я слыхала, что в моей семье от матерей к дочерям передается дар говорения на языке животных. – Сказав это, Дина смотрит на Кирстен, ища поддержки.

– А я, возможно, смогу повелевать ветрами, – говорит еще одна девушка, широко раскинув руки.

– А я – быть невосприимчивой к огню. – Мег подносит палец к пламени костра.

– Полно, полно, – останавливает их Кирстен. – Мы не должны торопить события. Еще не время.

– А какой волшебный дар надеешься обрести ты? – Дженна осторожно толкает Кирстен коленом. – Пожалуйста, расскажи.

– Да, расскажи... – раздаются голоса остальных.

– Я хочу... – Она делает эффектную паузу, дабы заставить их внимать каждому ее слову. – Я хочу силой мысли управлять людьми. Наставлять на путь праведный... избавлять от грехов, дабы все мы смогли растратить свое волшебство и вернуться домой, очистившись.

Гертруда издает какой-то звук – то ли это вздох, то ли зевок, то ли фырканье. Кирстен злобно смотрит на нее, сидя по другую сторону костра.

– Может, даже *ты* сможешь снова стать чистой, Гerti, – говорит она.

На челюсти Гертруды вздуваются желваки, но больше она ничем не выдает, что услышала эти слова.

– А как насчет тебя, Бетси? – Кирстен переводит внимание на девушку, сидящую рядом с Гертрудой. Еще одна мишень.

– Меня? – Она оглядывается по сторонам.

– Разве здесь есть другая Бетси Диллон? – спрашивает Кирстен. – На что надеешься ты?

– Перестать быть такой дылдой и безобразной? – Одна из девиц прыскает со смеху.

Кирстен шлепает ее по ноге.

Даже в тусклом свете костра я вижу, как щеки Бетси заливаются краской – она то ли смущена, то ли польщена вниманием Кирстен.

– Я... я хочу летать, как птица, – говорит она, глядя на верхушки деревьев.

– Еще чего, – бормочет кто-то. Кирстен цыкает на нее.

– А зачем ты хочешь летать? – сладко спрашивает Кирстен. Слишком уж сладко.

– Чтобы улететь далеко-далеко, – мечтательно отвечает Бетси.

– Поверь мне, – прищурясь, говорит Кирстен, – мы тут все хотим, чтобы ты улетела далеко-далеко.

Остальные девицы перестают сдерживаться и разражаются смехом.

Видя, что по лицу Бетси текут слезы, Кирстен поворачивается к ней спиной и продолжает беседовать с остальными.

Гертруда тянется к Бетси, пытаясь утешить ее, но та отдергивает руку, вскакивает с земли и бежит в лес.

– Ну, что я тебе говорил, – замечает темноусый стражник, глядя ей вслед. – Первой будет дочка Диллонов.

– Надо же, ты угадываешь каждый год... – отвечает второй стражник, достав из кармана две монеты и отдав их темноусому. – Не понимаю, как тебе это удается.

Я уже собираюсь броситься за ней, сказать, чтобы она не обращала на других внимания, но тут до меня доносится пронзительный вой. Затем еще и еще – и все это слышится из разных мест. Словно одни начинают, а другие вторят. Сначала я думаю, что это стая волков, но затем вой раздается ближе, и за ним следует мерзкий хохот. И я сразу понимаю – это воют беззаконники. Так они загоняют Бетси.

Я смотрю на стражников, ожидая, что они что-то предпримут, но те продолжают спокойно устраиваться на ночлег.

– Вы должны пойти за ней в лес, – говорю я.

Тот стражник, который повыше, равнодушно отмахивается.

– Коли вы сбегаете, это не наша забота. Мы тут не при...

– Но она же не пытается сбежать... она просто хотела поплакать... чтобы никто не видел.

– Нельзя отходить от тропы – таковы прави...

– Но нам же никто не говорил... не предупреждал...

– Разве такие вещи вы не должны просто-напросто *знать*? – замечает он, оглядывая меня с головы до ног и качая головой.

Я делаю несколько шагов в сторону леса, но тут его оглашают истошные крики, от которых у всех стынет кровь. Такое чувство, будто эти душераздирающие вопли проникают прямо в тело и застревают в наших костях.

– Ты видела, что я заставила сделать бедную Бетси? – шепчет Кирстен Дженне. Дженна шепотом передает ее слова Джессике, та кому-то еще, и новость о волшебном даре Кирстен распространяется, словно раздуваемый ветром пожар.

Я смотрю на девушек – их лица освещены пламенем ко – стра, в глазницах лежат тени, и все они взирают на Кирстен со смесью почтения и страха.

Уголки прелестных, похожих на розовый бутон губ Кирстен приподнимаются в чуть заметной улыбке.

Мне знакома эта улыбка.

Глава 11

Я лежу на сырой земле, зная, что нынче мне ни за что не заснуть. Не понимаю, как тут можно спать. Только не под эти крики. Я слышала, что беззаконники стараются сдирать с нас кожу как можно медленнее, потому что боль пробуждает в девушках особое волшебство, но сейчас даже стражникам, похоже, немного не по себе. Впечатление такое, будто беззаконники хотят, чтобы мы все слышали, чтобы мы знали, что нас ждет.

Однако, когда над восточным хребтом встает разбухшее солнце, цветом похожее на яичный желток, крики стихают, превратившись в поскуливание, а затем прекращаются совсем. Я никогда еще не испытывала такого ужаса и такого облегчения. Наконец-то ее страданиям пришел конец.

Мы молча обуваемся и встаем, чтобы пройти вторую половину пути до становья. Мешок с вещами, предназначавшимися для Бетси, достают из повозки и оставляют на земле, как будто он не имеет никакой ценности. Как будто *она* не имела никакой ценности.

Хлопанье птичьих крыльев отвлекает меня от моих путаных, невеселых мыслей. Я поднимаю глаза и вижу сидящего на ветке крапивника. Коричневый и упитанный, он гордо выпячивает грудь.

– Улетай – улетай далеко-далеко, – шепчу я.

После того как нас строят в ряд и пересчитывают, мы идем дальше. Я ощущаю окружающий нас лес остро, как никогда. Прежде я не думала, что такое возможно. Минувшая ночь доказала, что за нами наблюдают. Нас преследуют. И из охотничьего опыта я помню, что беззаконники, вероятно, ищут среди нас слабое звено.

По примеру Гертруды я прячу лицо под покрывалом. Я знаю – это обезличивает меня – точно так же глаза свиней закрывают мешком перед тем, как забить, – но я не хочу, чтобы беззаконники запомнили мое лицо. Чтобы они видели меня в своих снах. Чтобы заметили мой страх. Нет, такого удовольствия я им не доставлю.

Девушка, идущая передо мной, подбирает с земли тяжелый камень и кладет его в карман своего плаща. Это Лора Клейтон, она тиха и тщедушна, и, вероятно, по возвращении ее отправят работать на мельницу.

– Извини, – бормочет она и спешит вперед, избегая смотреть мне в глаза. Наверное, она взяла камень, чтобы было чем защищаться. Судя по ее походке, это не первый тяжелый предмет, который она положила в карман. Я тоже ищу глазами увесистый камень, когда идущая впереди Гертруда замедляет шаг, чтобы пойти рядом со мной.

– Видишь? – говорит она, глядя прямо перед собой.

Я поднимаю глаза и обнаруживаю, как Кирстен что-то шепчет кучке девушек, затем оглядывается, смотрит на меня и переходит к следующей группе слушательниц.

– Что я должна увидеть?

– Она, так сказать, готовит почву.

– Я ее не боюсь.

– А зря. Ты же видела, на что она способна... видела ее волшебство...

– Я не видела ничего, кроме обиженной девушки, убежавшей в лес, чтобы поплакать.

Гертруда пристально смотрит на меня, и в ее глазах я замечаю сомнение.

– Даже если это не волшебство... чтобы нагадить, у нее есть и другие пути.

Я помню, что Кирстен сделала с Гертрудой в прошлом году. Это ее стараниями гадкое прозвище Грязная Герти распространилось, как чума. Но это было сделано дома, где за нами присматривали мужчины, не давая нам слишком уж разойтись. Что же она может сделать здесь, в диких, необжитых местах?

А может, я просто получу по заслугам? Ведь там, в городе, я не реагировала, когда Кирстен травила других. Тогда я еще могла бы ее остановить, но теперь... теперь ей дозволено все.

– Я хочу спросить... – говорю я, бросив нервный взгляд на Кирстен и ее подруг. – Ты взяла на себя вину... за ту литографию? Стало быть, вот что с тобой произошло?

Гертруда смотрит на меня, но глаза ее остекленели... и у нее такой затравленный вид...

– Вы говорите о Бетси? – С нами равняется еще одна девушка, Хелен Берроуз, и мы обе вздрагиваем.

Смутившись, Гертруда опускает голову и, ускорив шаг, спешит вперед.

– Гертруда, подожди, – кричу я ей вслед, но она уже убежала.

– Я знаю, мне не досталось покрывало, – говорит Хелен, – но ты всегда казалась хорошей девушкой... из хорошей семьи. Как-то раз твой отец оказал моей матери огромную услугу...

– Да. Он замечательный человек, – без всякого выражения бубню я, гадая, куда она клонит.

– Ходят всякие слухи, – шепчет она, глядя в сторону Кирстен. – Тебе лучше обходить Гертру стороной. Ты же не хочешь, чтобы девочки стали считать грязной и тебя.

– Вообще-то мне все равно, что они считают, – с глубоким вздохом отвечаю я. – И тебе тоже не стоит их слушать.

Она глядит на меня, и ее щеки заливают густой румянец.

– Я вовсе не хотела тебя обидеть.

– Знаешь, то, что ты не получила покрывала, не делает тебя хуже остальных. Мы здесь все одинаковы.

Ее глаза наполняются слезами, нижняя губа выпячивается.

– Что с тобой? Что случилось?

– Я боюсь. Боюсь того, что произойдет, когда мы... – Хелен вдруг спотыкается и отклоняется в сторону от тропы.

Я хватаю ее за плащ и резко тяну назад, когда совсем рядом пролетает нож с узким клинком и вонзается в ближайшую сосну.

– Ты это видела? – задыхаясь, выговаривает она, и из-за слез ее глаза начинают казаться еще больше.

Мы медленно оборачиваемся, смотрим назад, но там никого нет. Только лес. И все же я готова поклясться, что они там... я чувствую их взгляды.

– На меня что, смотрит она? Кирстен? – в ужасе шепчет Хелен, не отрывая глаз от земли. – Это она заставила меня споткнуться?

Я не хочу этому верить, но, посмотрев вперед, вижу, что Кирстен смотрит на нас и на лице ее играет знакомая мне улыбка.

По коже бегут мурашки.

– Не говори глупостей. – Я тащу Хелен за собой. – Ты просто споткнулась о корень, только и всего. – Но я не вполне уверена в том, что говорю.

Кирстен – это ядовитый цветок белладонны, распускающийся у меня на глазах.

Глава 12

К концу дня лес делается таким густым, что свет тускнеет, тускнеет и наконец угасает почти совсем.

С каждым шагом тропа становится все неровнее, и уже запахи грушанки и гнили уступают место запахам болиголова, глины, папоротников и мха.

Наконец тропа сужается настолько, что кажется, лес готовится поглотить всех нас.

Некоторым из девушек приходится снять ботинки, и я вижу, что их ноги покрыты волдырями и кровью. Мы продвигаемся так медленно, что стражники решают не останавливаться на привал. Быть может, это и к лучшему – так у нас не будет времени думать о своей горькой доле. Меня это удивляет, но, похоже, за два минувших дня мы примирились с тем, что нас ждет.

Мне надо остановиться, чтобы помочиться. Непонятно, откуда во мне вообще взялась жидкость, ведь за все время нам ни разу не давали ни есть, ни пить. Так что, быть может, мне просто это показалось? Заметив заросли папоротника, я захожу в них, приподымаю юбки и приседаю.

Я жду, но из меня не вытекает ни капли мочи. Мимо, не сказав ни слова, проходит последний стражник, и, когда свет его факела удаляется, я понимаю – он меня не заметил. Они не знают, что я отстала, и, вероятно, не узнают, пока девушек не посчитают в становье. Мне приходит в голову, что я вполне могла бы сбежать. Не назад, в округ, а куда-то еще. Беззаконники последуют за остальными девушками, а я тем временем уйду далеко-далеко. Я умею скрываться – я делала это много лет. В одном Майкл прав... я умная и крепкая... и, быть может, мне больше не представится такой случай.

Я уже собираюсь встать, когда слышу звуки шагов – их не спутаешь ни с чем. И, глянув через плечо, я замечаю их силуэты. Вереницу выходящих из леса темных фигур. *Беззаконники.*

И тут до меня доходит, что я, вероятно, отошла слишком далеко от тропы. Я не думала, а просто увидела папоротники и двинулась к ним. Отсюда до тропы будет футов десять, не больше, но я не могу сказать, ни как далеко от этого места до беззаконников, ни как быстро они идут... потому что, глядя на них, я вижу только сгустки черноты, скользящие бесшумно, точно призраки.

Мне хочется со всех ног побежать к тропинке, позвать на помощь, но меня словно парализовало, так что я могу сделать лишь одно – пригнуться еще больше и закрыть глаза.

Это ребячество – думать, что, если не буду видеть их, они не увидят меня, но в эту минуту именно так я себя и ощущаю – чувствую, что я всего лишь ребенок. Меня могут нарядить в красивое платье, выдать замуж, убедить, что теперь я взрослая женщина, но я вовсе не чувствую себя готовой ко всему этому. Я совсем, совсем не готова.

Мне следовало бы сейчас говорить с Богом, обещать, что я больше не сойду с тропы, но я не могу сделать и этого. Нам не дозволяется молиться про себя, потому что мужчины боятся, как бы мы не использовали такую возможность, дабы скрыть растущее внутри нас волшебство. Но где оно, это мое волшебство, почему не помогает, когда я так в нем нуждаюсь?

Беззаконники проходят мимо моего укрытия, и я изумляюсь – как же тихо они идут! Они шагают в ногу, так что по звукам их шагов нельзя определить, сколько их. И движутся молча, слышны только их поступь и мерное дыхание.

Когда шум их шагов затихает, я наконец открываю глаза. И думаю: может быть, мне помогло мое волшебство, может быть, я стала невидимой, но тут я понимаю, что рядом кто-то есть. Я медленно поворачиваю голову и вижу нож у своей шеи и белки глядящих на меня глаз, а весь остальной облик беззаконника обьят темнотой.

– Пожалуйста... не надо, – шепчу я, но он продолжает глядеть на меня... и все. Его глазницы черны... словно пара бездонных ям.

Я начинаю отползать в сторону тропы.

Я жду... сейчас, сейчас он мерзко завоет, обхватит мои лодыжки и потащит в лес, чтобы там заживо содрать с меня кожу – но, когда мои пальцы касаются утоптанной земли тропинки и я вскакиваю на ноги, оказывается, что беззаконник исчез. Вокруг нет никого, только давящий на меня лес.

Бросившись вперед, я вскоре догоняю вереницу устало бредущих девушек и пристраиваюсь в ее хвосте. Я пытаюсь шагать как ни в чем не бывало, но все мое тело дрожит. Хочется рассказать остальным о беззаконнике, о том, что я была на волосок от смерти, но, оглядываясь и всматриваясь в темноту, я думаю – а что, если все это мне только почудилось? Ведь не мог же беззаконник просто взять и отпустить меня. К тому же, по правде говоря, я даже не видела его тела – только стальной клинок и глаза.

Я чувствую, как дрожит подбородок. Не знаю, отчего – от изнеможения или из-за пробуждающегося волшебства, но независимо от того, видела ли я того беззаконника или мне померещилось, ясно одно: нужно взять себя в руки и быть настороже, потому что один – единственный шаг в сторону от тропы может стать последним.

На восходе солнца мы проходим мимо полуразрушенной хижины, и в голове мелькает мысль: не здесь ли нам суждено провести свой год благодати, но нет, нас гонят дальше, пока мы не доходим до огромного пустынного водного простора. Только прищурившись, можно разглядеть вдали крошечное пятнышко суши.

И я понимаю – вот оно.

Для многих из нас это начало конца.

Глава 13

Нас сажают в лодки, но не дают весел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.